

Набоков В. Д. «Крым в 1918/19 гг.»

Публикация А. С. Пученкова

Публикуемая в нашем журнале рукопись представляет очевидный интерес. И дело не только в масштабе личности Владимира Дмитриевича Набокова (1869–1922) — отца известного писателя, одного из виднейших членов кадетской партии, «представителя крупной буржуазной интеллигенции», по аттестации известного специалиста по проблеме В. В. Шелохаева¹, а также министра юстиции Второго Крымского Краевого правительства. Публикуемые воспоминания могли бы и не быть написанными, в принципе. В отличие от многих представителей первой волны русской эмиграции, Набоков вне России прожил очень недолго, уже в 1922 году его жизнь прервалась от пули террориста, покушавшегося на лидера кадетов П. Н. Милюкова. Предчувствуя, быть может, краткость отведенного ему судьбой срока, Набоков не откладывал работу над своими воспоминаниями, успев запечатлеть на бумаге и свой рассказ о деятельности на посту управляющего делами Временного правительства, и воспоминания о своей работе на министерском поприще уже в кадетском кабинете Соломона Крыма — председателя Второго Крымского Краевого правительства². Министр внешних сношений этого правительства, кадет М. М. Винавер, вспоминал: «Всегда одинаково гладкий, благовоспитанный, он прекрасно приспособлялся к атмосфере, весьма близко напоминавшей атмосферу Временного правительства, с которым также у него никаких внешних трений не было, не взирая на всю обнаружившуюся впоследствии глубокую неприязнь к главным его деятелям». Он же признавал: «Набоков был, конечно, по своей санке и по манерам в наибольшей мере министром в нашей среде»³. В свою очередь, другой кадет, член Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России генерале А. И. Деникине, а прежде — московский городской голова — Н. И. Астров писал: «Крымское правительство

**Пученков
Александр Сергеевич,**
*кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)*

имело скорее вид городской или земской управы. Даже такие яркие фигуры, как В. Д. Набоков и М. М. Винавер, не изменяли этого впечатления. С. С. Крым держался с достоинством, но как будто несколько конфузился своего положения Председателя Совета Министров. Набоков, всегда изящный, всегда уверенный в себе, здесь, отстаивая свои либерально-кадетские положения, временами имел как бы не очень уверенный тон. В частном разговоре, далеко не разделяя восторженного отношения Винавера к успехам и достижениям Крымского правительства, он говорил: «Крымское правительство никакой работы не сделало...»⁴

«Крымский» этап политической жизни Набокова в литературе практически не освещается. В частности, биограф Набокова Н. А. Коваленко в монографии, посвященной Владимиру Дмитриевичу, сообщает лишь о том, что Набоков вошел в кабинет «по просьбе его председателя — бывшего члена Государственного Совета С. С. Крыма», а правительство «почти никакой роли не играло...»⁵. Надеемся, что воспоминания Владимира Дмитриевича позволят заполнить существующую в историографии лакуну.

Разница между воспоминаниями, озаглавленными «Временное правительство», напечатанными в I томе «Архива Русской революции»⁶, и публикуемой работой заключается не только в том, что они посвящены разным эпизодам из жизни Набокова, но также и в моменте весьма принципиальном: если «Временное правительство» Набокова не просто стало классикой жанра, но и было опубликовано при жизни автора (работу над текстом Владимир Дмитриевич завершил 25 сентября (8 октября) 1918 г., впервые вышли в свет эти воспоминания в 1921 г.), то «Крым в 1918/19 г.», во-первых, по сути, представляет собой не заверченный до конца текст (автор не довел свое изложение до бегства правительства Соломона Крыма за границу и советизации полуострова)⁷; а во-вторых, указанный текст не был опубликован не только при жизни Владимира Дмитриевича, но и вплоть до настоящего момента.

Между тем публикуемый текст представляет собой уникальное для мемуаристики гражданской войны свидетельство — как в силу положения автора, так и в силу характерной для него точности оценок, цепкости наблюдения и вдумчивости проведенного анализа.

Представляется, что В. Д. Набоков думал о доработке текста своих воспоминаний, однако не успел осуществить задуманное. Все же, и в существующем виде воспоминания В. Д. Набокова, наряду с воспоминаниями М. М. Винавера⁸, П. С. Бобровского⁹, Д. С. Пасманника¹⁰, В. А. Оболенского¹¹, составляют, на взгляд публикатора, ценнейшее свидетельство об истории гражданской войны на полуострове глазами российского политика-интеллектуала, и будут интересны самому широкому кругу читателей. В значительной степени точность изложения фактов, содержащихся в работе В. Д. Набокова, подкрепляется его же личным дневником, уточняющим ряд моментов, излагаемых в воспоминаниях. Несмотря на то, что в воспоминаниях В. Д. Набокова история Второго Крымского правительства не

доводится до его логического конца, то есть до прекращения этим правительством своих полномочий и бегства правительства за рубеж, тем не менее, основные линии деятельности кабинета Соломона Крыма — отношения с интервентами и Добровольческой армией, предыстория «хождения во власть», иначе говоря, подготовка переворота с целью низложения генерала М. Сулькевича, внутренняя политика правительства С. С. Крыма, портретные характеристики его ключевых персоналий — раскрываются автором выпукло и подробно. Надеемся, что публикуемый текст найдет своего заинтересованного читателя. Текст написан от руки, датирован он 1920 г. Название рукописи — авторское, оно принадлежит самому В. Д. Набокову. Рукопись обнаружена публикатором при знакомстве с коллекцией воспоминаний эмигрантов (Ф. Р-5881 Государственного архива Российской Федерации) из собрания бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге, перемещенного по итогам Второй мировой войны в СССР. По-видимому, рукопись воспоминаний была отправлена в архив самим В. Д. Набоковым; в свою очередь, дневник Набокова за 1918–1919 гг. переписан от руки вдовой политика Еленой с подлинного текста дневника «дословно», о чем свидетельствует ее собственноручная запись — в таком виде, он и был сдан в архив¹². Сопоставление текста воспоминаний Набокова с его же дневниковыми записями свидетельствует о том, что оценки, содержащиеся в воспоминаниях, как правило, совпадали друг с другом¹³. Можно предположить и то, что В. Д. Набоков, составляя воспоминания о работе в Крымском правительстве, «сверял» «причуды своей памяти» (выражение писателя Д. А. Гранина) с дневниковыми записями, стремясь к максимальной достоверности своих мемуаров. Знакомство с другими источниками по истории Крыма в 1918–1919 гг. позволяет нам говорить о том, что поставленная Набоковым задача была решена — перед нами максимально информативные, взвешенные и объективные записки умного, влиятельного и осведомленного человека.

Набоков В. Д. «Крым в 1918/19 гг.»

Крымский полуостров включает пять уездов (districts) прежней Таврической губернии: Перекопский, Евпаторийский, Симферопольский, Ялтинский, Феодосийский. Они составляют Крым в точном смысле слова. В позорной памяти Брест-Литовском договоре вопрос о судьбе Крыма — по крайней мере, в опубликованном тексте договора, — не получил ясного и справедливого решения. Материковая часть Таврической губернии, обнимавшая три северных ее уезда (Днепровский, Мелитопольский, Бердянский), была по Брест-Литовскому договору, включена в пределы Украины, — той Украины, которой германцы хотели предоставить независимость в целях обессиления России¹⁴. На эту часть, следовательно, распространен был гетманский режим и в ней введены были все украинские административные и судебные учреждения. При этом, однако, произошел такой

серьезный факт. Мощное земское самоуправление, воплощающееся в Таврическом губернском собрании и его исполнительном органе — Таврической губернской земской управе — не признало факта расчленения Таврической губернии и продолжило действовать как одно целое с центром в Симферополе (на Крымском полуострове). Такое объединение в области самоуправления при полном административном разъединении не могло не порождать постоянных затруднений и для земства, и для администрации. С другой стороны, выделение из Крыма трех серьезных уездов, наиболее богатых хлебом, представляющих для Крыма настоящую житницу и занятых многочисленным населением, в котором преобладал трудовой крестьянский элемент — наносило сильный экономический удар благосостоянию Крыма и ставило его в прямую зависимость от финансовой политики германского правительства.

Во время заключения Брест-Литовского мира, Крымский полуостров находился в руках большевиков, овладевших им в начале 1918 года благодаря поддержке Черноморского флота, который признал Советскую власть. Все южное побережье было терроризировано при помощи миноносцев, находившихся в руках «красных» матросов. Отряды этих матросов, к которым присоединялись и сухопутные команды из дезертиров и бунтовщиков, действовали по всему пространству Крыма. В ряде городов — Симферополе, Ялте, Севастополе, Евпатории и других — они совершили, при участии подонков местного населения, ряд возмутительных и кровавых злодеяний, жертвами которых были главным образом офицеры (морские и сухопутные), а также представители местной интеллигенции. Крупная буржуазия пострадала главным образом материально, благодаря огромным контрибуциям, налагавшимся на отдельные города и распределявшимся между состоятельными лицами. В особенности ужасны были эксцессы, происходившие в Евпатории и удостоверенные позднее судебными расследованиями. Однако были случаи, заставлявшие думать о каком-то болезненном извращении человеческой природы. Живых людей бросали в топки пароходов, отрезали им руки и ноги, недобитых закапывали в землю. Море выкинуло немало трупов, изуродованных до неузнаваемости. В Ялте расстрелы офицеров на молу, в виду всего города, надолго останутся в памяти свидетелей этих жутких сцен¹⁵.

Господству большевиков наступил конец в апреле 1918 г., когда полуостров был занят немецкими войсками. Большая часть активных большевиков бежала, воспользовавшись судами, находившимися в Севастополе, Ялте, Феодосии, Керчи. Немцы учредили во всех городах свои комендантуры, но непосредственно не хотели вмешиваться в гражданское управление. Органы местного самоуправления (городские и губернские земские управы) возобновили свою деятельность, и почти тотчас возник вопрос об образовании центральной крымской власти. Со своей стороны германское командование готово было содействовать формированию этой власти, но, видимо, стремилось к тому, чтобы выдви-

нуть на первый план местные, татарские элементы, проникнутые идеями сепаратизма и державшиеся германо-турецкой ориентации. Главным представителем этого течения был некий Сейдамет, молодой человек, получивший более широкое образование, чем это водится среди татар, побывавший за границей и даже слушавший лекции в Сорбонне¹⁶. Он был выдвинут в качестве премьер-министра со стороны татарского парламента («курултая»), собравшегося еще в 1917 году, но прервавшего свою деятельность во время господства большевиков. С другой стороны, местные русские политические круги, состоявшие главным образом из представителей местного самоуправления, выдвигали кандидатуру Соломона Крыма, известного местного деятеля, крупного землевладельца и садовода, бывшего члена Первой (а также Четвертой) Государственной Думы, а также члена Государственного Совета, последнего дореволюционного созыва, избранного Таврическим губернским земским собранием¹⁷. В происходивших в мае 1918 года переговорах между представителями конституционно-демократической партии, к которой принадлежал С. Крым, выдвигалась мысль об образовании Крымского правительства с введением в его состав как представителей курултая, так и представителей земского и городского самоуправления. Однако соглашение не было достигнуто, так как основным условием со стороны татар было премьерство татарина Сейдамета, русские же круги не считали возможным принять это условие и настаивали на премьерстве С. Крыма. После долгих и утомительных переговоров выяснилось, что задуманная комбинация неосуществима. Между тем, появилась новая кандидатура, некоего генерала Сулькевича, литовского татарина, по происхождению мусульманина, бывшего командира корпуса — человека, в Крыму совершенно неизвестного, не имеющего никакого политического прошлого и никакой политической программы¹⁸. Немцы нашли эту кандидатуру, наиболее для себя удобной. С их согласия генерал Сулькевич образовал кабинет, в состав которого вошел и Сейдамет в качестве министра иностранных дел¹⁹. Во вступительной декларации генерал Сулькевич объявил, что «принял власть» в Крыму с согласия германского командования²⁰. Это произошло в июне 1918 года. Гетманское правительство Скоропадского не признало новой крымской власти. Для устранения возникших трений в Киев была отправлена уже в конце лета делегация, под председательством сенатора Ахматовича, занимавшего пост крымского министра юстиции. Однако, делегация эта встретила самый холодный прием со стороны председателя Совета Министров Украины Лизогуба²¹ и вернулась, не достигнув никакого успеха. Между Украиной и Крымом была объявлена таможенная война, северные уезды Таврической губернии не могли снабжать полуостров хлебом²². От этого, разумеется, страдало местное население. Управление генерала Сулькевича, проникнутое реакционным духом, и вынужденное раболепствовать перед немцами, оказалось в высшей степени непопулярным. Личный состав правительства, начиная с его главы, не пользовался ни авторитетом, ни доверием. Постепенно росла и крепла оппозиция, сосредоточившаяся в кругах

местного самоуправления и в октябре 1918 г., открыто выступившая на совещании гласных земского собрания и городских голов против генерала Сулькевича. Этот последний, после нескольких попыток круто изменить прежнее реакционное направление своей политики, не чувствуя поддержки местного населения и убедившись в том, что и германское командование не находит более нужным оказывать ему свою поддержку, в начале ноября сложил свои полномочия²³. Земское совещание еще до того единогласно избрало С. Крыма премьером.

Вторая попытка образовать Краевое правительство с кадетским большинством, возглавляемое С. С. Крымом

Он принял избрание и тотчас 3/16 октября 1918 г. в Ялте создан был губернский земский комитет к.-д. партии, причем главным предметом занятий предполагалось обсуждение вопроса об организации власти. Поводом к постановке этого вопроса были непрекращающиеся и в последнее время особенно усилившиеся слухи о предстоящем распадении министерства Сулькевича и об отставке самого премьера. На 4/17 октября назначено было заседание губернских земских гласных городов и уездов Крыма, созванное кн. В. А. Оболенским (в качестве председателя губернской земской управы). (Ожидалось, что это собрание выскажется отрицательно по адресу Сулькевича и возложит на Крыма задачу образования нового правительства. Имелись сведения, что немецкое командование, в случае воследования такого вотума, и если бы генерал Сулькевича сам немедленно не подал в отставку, — «потребует от него ухода». Заседание в Ялте было назначено в 10 часов утра, причем предполагалось, что оно закончится уже в Симферополе, откуда симферопольские наши члены (и, в частности, Оболенский) не имели возможности приехать. Происходило заседание на квартире Н. Н. Богданова²⁴. Участие в нем приняли И. И. Петрункевич, гр. С. В. Панина, М. М. Винавер, Н. А. Зевакин, Д. С. Пасманник, К. А. Эрманс, А. В. Тесленко, И. Н. Альшуллер, И. Я. Кузнецов и я²⁵. Придя на дачу Татариновой, где живет Н. Н. Богданов, я сразу встретился с С. С. Крымом, который сказал мне: «Ну, что же, едем в Симферополь?» Я не предполагал туда ехать и даже пришел в Ялту налегке, без всяких вещей в белых брюках. Оказалось, что мое присутствие в вечернем совещании считается безусловно необходимым и мне пришлось звонить в Ливадию и просить о присылке мне самых необходимых вещей — на одну ночь, так как категорически было заявлено, что на другой же день утром можно будет вернуться. Председательствовал в заседании Винавер. Богданов сделал краткое сообщение о предстоящем собрании гласных, Крым передал свой разговор с начальником штаба ген. Коша. Суть этого разговора заключалась в том, что, по словам начальника штаба, если собрание, назначенное на четверг, выскажется против Сулькевича, он будет тотчас устранен. При этом Крым изложил начальнику штаба те условия, при которых кадеты согласились бы взять власть. Условия эти: 1) Уход генерала Сулькевича,

работа с которым признается недопустимой; 2) ориентация на Великобританию; 3) власть берется не от немцев; 4) в виду совершенно изменившегося международного положения, Крым должен быть независим от Украины. Эти условия не встретили никаких возражений. Комитет всецело одобрил эту постановку вопроса. В заседании обсуждался (главным образом по моей настойчивой инициативе) существеннейший с моей точки зрения вопрос о тех реальных силах (военных), которые могли бы быть в распоряжении Правительства, главным образом для борьбы с большевиками, так как имеются несомненные признаки возможного рецидива большевизма, а между тем в случае ухода из Крыма немецких войск, исчезнет единственная сила, могущая подавить этот рецидив. Н. Н. Богданов развил план организации добровольцев с помощью инструкторов из Добровольческой армии. Говорилось об ожидаемом приходе союзников (в Черное море, через Дарданеллы, Босфор). Во всяком случае, признано было, что до организации собственной военной силы, пока что, придется иметь дело с немцами и опираться на них. Во втором часу заседание было закрыто, решено было ехать в 2 1/2, а пока — пообедать. Я пошел с Винавером в ресторан городского сада. За обедом я ему высказал те колебания, которые я ощущаю в вопросе о своем участии в правительстве. Мне казалось, что было бы правильнее ввести в правительство только местных лиц, для деловой работы, не придавая министерству такого военно-политического характера, который не соответствовал бы ни обстоятельствам, ни территориальной компетенции. Винавер мне возражал, доказывая, что при данных условиях на правительство Крыма может выпасть крупная политическая роль, явно может создаться центр, отсюда могут быть предприняты попытки к организации объединения, здесь, наконец, возможно ближайшее вступление в контакт с союзниками. Я не подозревал, ведя этот разговор, что Винавер сам стремится участвовать в правительстве, и что И. И. Петрункевич²⁶, (очевидно, инспирированный им) уже говорил на эту тему с С. С. Крымом.

Выехали мы из Ялты в 3 1/2 часа, в таком составе: Крым, Богданов, Винавер, Альтшуллер, я. Приехали в восьмом часу вечера. Примерно в девятом часу открылось заседание. Из предварительных разговоров с социалистами выяснилось, что они ставят два требования: 1) созыв сейма с учредительными функциями, 2) восстановление распущенных Сулькевичем органов самоуправления, избранных на основании закона Временного Правительства. Мы решили категорически и ультимативно возражать против того и другого. Затем был затронут вопрос о личном составе предполагаемого нового правительства и тут Крым совершенно для меня неожиданно заговорил о желательности участия членов ЦК — Винавера и Набокова. (После он мне говорил, что был уверен, что я знаю о желании Винавера вступить в Правительство и что И. И. Петрункевич со мной по этому поводу имел беседу). Винавер сразу изъявил свое согласие...²⁷

На другой день утром я имел сперва разговор с глазу на глаз с Крымом, причем я ему сказал, что искренно приветствуя кандидатуру Винавера, я все же испытываю некоторые сомнения по поводу введения в кабинет еврея, и притом на тот пост, который по всей

вероятности, имеет в виду Винавер — министра для внешних сношений. Несомненно, что в силу целого ряда обстоятельств, имевших место в течение нашей злосчастной революции, чувства антисемитизма чрезвычайно обострились в довольно широких кругах — в частности — в кругах военных²⁸. Настроение Добровольческой армии, насколько мне известно, тоже окрашено тем же цветом²⁹. При таких условиях, не представляет ли кандидатура Винавера некоторые неблагоприятные стороны? Не вызовет ли она особого характера агитации, которая может иметь известный отклик и затруднить деятельность кабинета? Постановку этих вопросов я считал крайне щекотливой, но все же мне казалось невозможным, совсем обойти их. На Крыма мои вопросы произвели впечатление. К сожалению, обстоятельства так сложились, что эти вопросы приходилось ставить скорее *par acquit de conscience*³⁰, и привлекать к их обсуждению самого Винавера. Результат можно было предвидеть. Винавер затаил в своем сердце обиду, по существу же он довольно решительно заявил, что не видит принципиальных оснований поднимать вопрос об его еврейском происхождении и не считает, чтобы оно могло быть в самом деле препятствием. Больше к вопросу я уже не возвращался³¹.

День 4/17 октября прошел в совещаниях совместно и порознь. Оказалось, что социалисты хотят в резолюцию вставить упоминание о «республиканской демократической России». Это мы отвергли, и нам удалось заставить их отказаться от своего намерения. Равным образом они уступили в вопросе о сейме с учредительными функциями. Но в отношении восстановления самоуправлений они оказались непримиримыми³². Наше положение в этом вопросе было довольно затруднительным. С одной стороны, мы хорошо знали, как глубоко неудовлетворительны составы дум и земств, избранные в 1917 году, — как они безнадежно скомпрометированы в глазах сознательной части населения. С другой стороны — чем можно их немедленно заменить? Куриальные выборы, там, где они уже осуществились, тоже не дали хороших результатов, и принципиально высказываться за них — невозможно. Смешанные составы — тоже несоблазнительная комбинация.

Остаться вовсе без органов самоуправления — тоже невозможно. И в конце концов после долгих колебаний и споров, мы признали возможным в этом вопросе пойти на уступку и согласиться на восстановление упраздненных Сулькевичем учреждений, но с тем, чтобы правительство немедленно назначило новые выборы по новому закону, с возрастным цензом в 25 лет и годовым цензом оседлости. В дальнейшем пришлось «сторговаться» на 21 год и на ценз оседлости для уездов в 1 год, для городов в ½ года. Соглашение было достигнуто после бесконечных дебатов, происходивших в пятницу 5/18 октября, днем, причем мы с Винавером были приглашены в собрание³³. Я, однако, отказался идти, не усматривая в этом решительно никакой надобности и испытывая заранее тошноту при мысли об этих дебатах. У меня было и достаточное основание уклониться: нога сильно болела, я с трудом двигался. Между тем переговорив в этот день по телефону с домом, я узнал, что ко мне звонили из Симферополя от Сулькевича, справляясь обо мне и прося меня позвонить, было

ответчено, что я в Симферополе. Часа в три, предварительно переговорив по телефону, ко мне явился от Сулькевича молодой чиновник особых поручений и передал мне просьбу генерала посетить его в удобное для меня время. На мой вопрос — зачем желает меня видеть генерал, чиновник отозвался незнанием, а потом сказал, что, насколько ему кажется, генерал Сулькевич хочет предложить мне занять пост в его кабинете. В 6 часов я был у Сулькевича, которого я раньше не видел, и имел с ним беседу, продолжавшуюся минут сорок. Сперва он говорил, что хочет «реконструировать» кабинет и с этой целью обращается к партии Народной свободы, предлагая ей войти в состав Правительства. Когда я ему объяснил, что это невозможно, он предложил такую «комбинацию»: он сохраняет положение начальника края и главы правительства, но функции имеет только в области внешних сношений, сношений с немецким командованием и инспекции войск. Приглашаемое им лицо (кадет) формирует правительство по своему усмотрению, но с тем, чтобы в его состав непременно вошло два татарина (позже он сказал, что речь идет об определенных лицах — Ахматовиче и Кипчакском). Председательствовать в Совете Министров будет это именно лицо, неся официально звание товарища председателя, сам же Сулькевич будет председательствовать только в особо важных случаях. Я высказал скептическое отношение к такому предложению, но заявил, что доведу о нем до сведения моих друзей, мы его обсудим и дадим ему ответ. Разговор, между прочим, коснулся большевизма. Он сказал, что немцы ведут в этом вопросе очень двойственную политику, «на словах все обещают, на самом деле ничего не делают». На мой вопрос, правда ли, что он собирается уходить и даже уже подал в отставку, он ответил отрицательно, прибавив, что он не считает возможным, с точки зрения интересов местного населения, оставить свой пост, и что считает необходимым довести дело до парламента.

Вернувшись к А. Я. Хаджи, где была наша штаб-квартира, я застал там также вернувшихся из заседания Винавера, Оболенского и Богданова, и передал разговор с Сулькевичем. Решено было, что я дам Сулькевичу отрицательный ответ, без мотивировок, что и было мною исполнено по телефону: через чиновника, вернувшегося ко мне в 9½ часа вечера³⁴. В двенадцатом часу пришли все из собрания, сообщили о благополучном исходе собрания и о принятии им нижеследующей резолюции:

В. А. Оболенскому поручено было на другое утро отправиться к Сулькевичу и сообщить ему о последовавшем решении.

Утром 6/19 октября ко мне зашел С. С. Крым. Я упустил сказать, что после того, как в публичном заседании была оглашена резолюция, он заявил, что даст ответ через 24 часа. Таким образом, заседание было назначено 6 часов вечера в субботу. Между тем, Винавер и я накануне сговорились, что в субботу, в 2 часа вместе уезжаем, воспользовавшись автомобилем А. В. Давыдова. Крым хотел к нам присоединиться, так как ему необходимо было побывать в Массандре в воскресенье. Поэтому он еще накануне предложил написать письмо Оболенскому. В утреннем нашем разговоре я обратил его внимание на безусловную

необходимость поставить свое согласие в зависимость от того останется ли Сулькевич у власти. Я указывал, что принятие на себя без всяких оговорок поручения Земского собрания — при наличии существующей, не ниспровергнутой власти, — значило бы рисковать попасть в смешное положение и во всяком случае поставить эту власть в необходимость — пока она еще не ушла, — прибегнуть к репрессиям. Во мне все время отсутствовала прежняя уверенность в том, что немецкое командование действительно потребует удаления Сулькевича и хотелось предупредить возможность для С. С. Крыма явно себя скомпрометировать. Последующий ход событий оправдал эту осторожность. Письмо было написано. В нем Крым заявлял, что «в случае, если правительство, возглавляемое генерал-лейтенантом Сулькевичем, в виду сложившихся обстоятельств, не останется у власти», он сочтет долгом принять поручение собрания и предпримет шаги к образованию правительства. На этом мы расстались. Придя затем на квартиру А. Я. Хаджи, я рассказал Винаверу о нашем разговоре и о письме. Он был недоволен, стал спорить, говоря, что «выходит как будто согласие обусловлено соизволением Сулькевича». По-видимому, он был вполне уверен, что дело в шляпе, что вопрос решен окончательно. В конце концов, однако, в виду моего категорически-решительного заявления³⁵, он вынужден был отказаться от своих возражений и удовлетвориться моим согласием на то, чтобы о факте своего отъезда Крым не сообщал в письме, а чтобы об этом было сказано Оболенским на словах. В два часа пришел Оболенский и передал свой разговор с Сулькевичем, который вызвал его к себе (по телефону), как раз в то время, когда Оболенский собирался к нему звонить. Суть разговора заключалась в следующем: Сулькевич начал с того, что спросил Оболенского про собрание: кто его созвал, на каком основании и с какой целью. Оболенский ему ответил и передал резолюцию. Прочитав ее, Сулькевич сказал: «что же это? Государственный переворот?»³⁶ В дальнейшем он заявил, что ни в каком случае не намерен соглашаться с постановлением незаконного собрания, не представляющего при том, подлинной воли крымского населения, — что власть он передаст только парламенту, который он и намерен созвать. Должен сказать, что формально его позиция была гораздо правильнее и легче, чем позиция Оболенского. Из дальнейших, полученных нами сведений, приходилось вынести заключение, что уверенность Сулькевича основывается на перемене германским командованием своей позиции. И действительно: при невыясненности международного положения и вопроса о мире, какое могло бы быть основание у немцев высказываться за правительство кадетское, т. е. дружественное союзникам, и помогать ему принять власть?

Мы уехали в 3½ часа (Крым, Винавер, который был мрачнее ночи, Келлер, Богданов и я), и я был дома в 8 часов вечера.

На другой день 7/20 октября, по телефону я узнал 1) о разбойном нападении на дачу Винавера, происшедшем в субботу, вечером, вскоре после его возвращения; 2) о срочной телеграмме Оболенского, вызывавшей Крыма обратно в Симферополь.

Вечером у меня был Крым (он все дождался автомобиля, который будто бы собирался за ним послать немецкий штаб — и так и не дождался) и Н. Н. Богданов, рассказали мне о нелепом образе действий социалистов, а затем пришли по телефону известия о предстоящей декларации правительства (насчет парламента) и о разгоне Земского собрания отрядом полицейских...

8/21 октября Крым должен был выехать обратно в Симферополь.

После того, как генерал Сулькевич отказался от власти³⁷, сформирован был новый кабинет, с Крымом во главе³⁸. В составе этого кабинета вошли два товарища Крыма по первой Думе, М. Винавер и автор этих строк. Ни Винавер, ни я не принадлежали к числу местных деятелей. Мы оказались в Крыму случайно, вынужденные покинуть Петроград, где протекла вся наша политическая деятельность, начиная с 1905 года. Мы согласились вступить в кабинет во внимание к тем политическим задачам, которые он себе поставил, и которым мы сочувствовали всей душой³⁹. Задачи эти были определенно сформулированы в декларации Крымского правительства от 15 ноября 1918 г. «Объединение и воссоздание России» — вот конечная цель, указанная в этой декларации. Крым мыслился как часть этой будущей единой великой России⁴⁰. В нем должны были быть восстановлены порядок и действие права, обеспечена гражданская свобода, заложены начала демократического управления. Созыв местного представительного собрания — Крымского сейма — ставился в зависимости от того, будет ли в ближайшее время образована единая национальная власть для всей России. Только при отрицательном решении этого вопроса предположено было созвать сейм, перед которым правительство было бы ответственно. До созыва сейма правительство формально не несло ни перед кем ответственности. Оно, однако, обязалось не реже, чем раз в месяц созывать то совещание, которое ему вручило власть, и давать ему краткий отчет о своей деятельности. Что касается сейма, то компетенция его должна была распространяться только на местное законодательство. Никаких учредительных функций не предполагалось ему присвоить, так как весь вопрос о государственном устройстве Крыма, о пределах его автономии, об отношениях между ним и остальной частью России должен был быть решен все-российским Учредительным Собранием⁴¹.

Следует подчеркнуть, что созыв сейма не связан был, как видно из предыдущего, ни с какими сепаратистскими стремлениями. Эти стремления категорически исключались как правительственной программой, призывающей к объединению и воссозданию России, так и земским совещанием, избравшим правительство и солидарным с ним. Обуславливая созыв сейма длительным отсутствием единой всероссийской власти, правительство полагало известную границу во времени, далее которой оно не должно было оставаться безответственным и не могло осуществлять законодательную власть без участия населения⁴².

Образовавшееся при таких условиях новое крымское правительство состояло, под председательством премьер-министра (принявшего в то же время портфель министра

земледелия), С. Крыма, из нижеследующих лиц: М. Винавер (министр внешних сношений)⁴³, Н. Богданов (министр внутренних дел), В. Набоков (министр юстиции), С. Никонов (министр народного просвещения), П. Бобровский (министр труда, государственный секретарь, государственный контролер), А. Стевен (министр продовольствия, путей сообщения, торговли и промышленности). Заведывание финансами было оставлено в руках А. Барта, бывшего управляющего местной казенной палатой. Участие его в кабинете должно было иметь не политический, а чисто деловой характер, и предполагалось в качестве временного. Следует, однако, заметить, что, к сожалению, портфель министра финансов до конца оставался в руках г. Барта, который, будучи безукоризненно порядочным человеком и прекрасным работником, не имел ни достаточной политической, ни серьезной технической подготовки к занятию предоставленного ему поста. Также временно Н. Богданов, министр внутренних дел, взял в свои руки портфель военного министра. Основание к этому давала его близость к Добровольческой армии, в составе которой он находился в качестве заведующего снабжением в течение зимы 1917–1918 года. Техническое заведывание этой отраслью осталось в руках генерала Мильковского, заведующего ею при правительстве Сулькевича.

Партийная принадлежность членов нового кабинета была следующая: кадеты (члены конституционно-демократической партии) — С. Крым, Н. Богданов, М. Винавер, В. Набоков⁴⁴, партии социалистов-революционеров — С. Никонов; партии социал-демократов, группы «Единство» (последователи Плеханова) — П. Бобровский; беспартийный, примыкающий к кадетам — А. Стевен.

Кабинет, таким образом, представлял в своем большинстве искренние демократические элементы общества, несоциалистического типа. Следует, однако, тут же сказать, что за все время его существования никаких разногласий и *out-voting*⁴⁵ на партийной почве не происходило. До самого конца он работал в полном единстве и гармонии, причем совместная работа не только сблизила его членов в деловом отношении, но и завязала между ними тесные дружеские связи.

II

При самом образовании кабинета одним из жгучих вопросов был вопрос об организации этой военной силы, которая необходима всякому правительству для обеспечения его существования и поддержания порядка. Правительство генерала Сулькевича в такой силе не нуждалось. Вернее сказать — оно само было в руках военной силы — германского командования. Пока германские войска оставались на полуострове, порядок был обеспечен. С момента их удаления можно было опасаться, что все беспокойные и анархистские элементы, из которых рекрутируется большевистская масса, поднимут голову

и захотят создать новую смуту. Этому могло способствовать отсутствие правильно организованной и надежной полиции. Все эти соображения имелись в виду еще в то время, когда только начались переговоры об образовании кабинета под председательством Крыма. Выбор и обучение собственной территориальной армии — вот, что было бы, конечно, наиболее нормальным и правильным решением вопроса. Но такое решение не могло быть в сколько-нибудь близком будущем приведено в исполнение. Последующие события показали, что попытка создать такую территориальную армию — при отсутствии принудительного аппарата и хорошо организованной местной администрации — могла бы привести только к полной неудаче.

При таких обстоятельствах, еще до формального образования кабинета, С. Крым обратился с письмом к генералу Деникину⁴⁶. В этом письме будущий премьер указывал Главнокомандующему Добровольческой армии на те задачи, которые ставило себе готовящееся к осуществлению Правительство, просил о присылке небольших отрядов, которые могли бы быть распределены по наиболее крупным городам края, и назначение которых заключалось в том, чтобы стоять на страже порядка и спокойствия, не допускать местных большевистских выступлений и в случае надобности подавлять их оружием. Ни о каких стратегических задачах «Крымской» армии в то время не было и речи: большевистский фронт — против Украины — проходил к северу от Харькова, и никто в то время не предвидел и не предполагал, что так близок развал германской армии, а главное — что уходящие войска оставят после себя пустое место, которое не будет занято союзниками.

Приглашение Добровольческой армии сопровождалось предложением субсидировать ее в размере 1½ миллиона рублей в месяц. Генерал Деникин ответил вполне сочувственно⁴⁷. Последующий обмен письмами и телеграммами привел к установлению определенных отношений между Командованием Добровольческой армии и Крымским правительством. Отношения эти должны были исходить из двух основных начал: полного невмешательства Добровольческой армии во внутренние дела Крыма — с одной стороны — и полной самостоятельности Добровольческой армии в вопросах военного командования с другой⁴⁸.

Такая схема была выполнима при таких условиях, которые были налицо в ноябре 1918. К сожалению, эти условия в короткое время резко изменились. Крах Германии повел за собою крах гетманского правительства, держащегося исключительно благодаря силе германских штыков. Большевистские войска заняли Харьков, и сразу обнаружилась тенденция их продвигаться далее на юг. С уходом немцев из Екатеринославской губернии, а также из северных уездов Таврической, большевикам открывался совершенно свободный доступ к Перекопскому перешейку, соединяющему Крымский полуостров с материком. Перед Крымским правительством должны были встать задачи чисто военного характера. Но вместе с тем защита Крыма оказывалась стратегической задачей, в выполнении

которой командование Добровольческой армии хотело пользоваться полной свободой, причем оно не обнаруживало ни малейшей склонности посвящать в свои планы Крымское Правительство. С другой стороны, изменившаяся военная обстановка, не могла не сказаться в ряде вопросов управления. Вопрос о борьбе с внутренним большевизмом получал значение вопроса об обеспечении тыла армии, — и естественно, что командование Добровольческой армии стало проявлять все с большей определенностью вмешательство в эту борьбу, предъявляя не всегда достаточно обдуманное и не всегда выполнимые требования Крымскому Правительству⁴⁹.

Заключительный период существования Крымского Правительства

В первых числах марта началась в Севастополе, сперва среди портовых рабочих, потом к ним присоединились железнодорожные рабочие, и началась агитация в пользу всеобщей забастовки. Забастовка имела исключительно политический характер. Основным требованием забастовщиков было удаление Добровольческой армии из Крыма. Впоследствии к этому присоединились и другие требования, вытекавшие из первого и продиктованное теми же стремлениями, — отставка Крымского Правительства и учреждение Советской власти. Все это, конечно, было делом рук местных большевиков, несомненно поддерживавших все время связь с вне-крымскими большевиками и получавших от них, судя по некоторым данным, крупные денежные субсидии. К несчастью, лозунг «Долой Добровольческую армию!» находил отклик не только в большевистски-настроенных массах, но и в довольно широких слоях населения. За 3 месяца своего пребывания в пределах Крыма, Добровольческая армия не только не снискала никакой популярности, но, наоборот, восстановила против себя очень многих, даже из числа тех, кто самым искренним образом возлагал на нее свои надежды⁵⁰. Причин этому было несколько. Не следует забывать прежде всего, что Крым сравнительно мало пострадал от большевиков, причем «честь» познания большевиков принадлежала германским войскам, занявшим полуостров в апреле 1918 года, и поступившим весьма сурово по отношению к тем большевикам, которые не успели заблаговременно спастись бегством. После ухода немцев в Крым явились, по приглашению Крымского правительства, небольшие отряды добровольческих войск, предназначенных, по первоначальным предположениям, исключительно для обуздания внутреннего большевизма, оставшегося в скрытом состоянии. Никто тогда не думал, что сравнительно в очень близком будущем Крыму будет угрожать большевизм извне. Военный фронт проходил в то время к северу от Белгорода. Но уже в декабре выяснилось, что эвакуация германских войск из Украины и связанная с этой эвакуацией гибель гетманского режима, должны будут в случае, если Красная армия будет направлена далее к югу — поставить для Крыма чисто военные задачи. При большей дальновидности

и предусмотрительности, командование Добровольческой армии прежде всего, конечно, озаботилось бы организацией прочной обороны Крыма. Географические условия полуострова очень облегчали задачу защиты от вторжения сухопутных войск⁵¹, и если бы с самого начала были выработаны и приведены в исполнение необходимые меры по укреплению Перекопского перешейка очень может быть, что не произошли бы все позднейшие печальные и постыдные эвакуации Крымских учреждений и занятия Крыма большевиками. Между тем, ставка генерала Деникина поставила себе совершенно другую задачу. С конца декабря там разрабатывался план перенесения Ставки в Севастополь, с тем, чтобы сделать Крым базой для дальнейшего наступательного движения по линии Харьков-Москва. Об укреплении перешейка, о том, что может оказаться необходимым защищать Крым как таковой, никто в Ставке, по-видимому, не думал⁵².

Вместе с тем предположено было приступить к образованию добровольческих частей в Крыму путем последовательно принудительного призыва ряда годов⁵³. Такие призывы могли бы иметь успех только при наличии ряда условий, совершенно отсутствовавших в Крыму. Население в своей массе не испытывало ни малейшего желания идти драться с большевиками. Оно более всего хотело, чтобы его оставили в покое и дали ему возможным заниматься своим привычным делом. Идеи борьбы за восстановление единой великой России оставляли эту массу населения совершенно равнодушной. С другой стороны, принудительного аппарата, который дал бы возможность заставить призываемых явиться под знамена, не было ни у военного начальства, ни у Крымского правительства. Таким образом, наличные силы Добровольческой армии, состоявшие почти исключительно из офицеров, оказались не только совершенно оторванными от местного населения, но и поставленными во враждебное к нему отношение, в виду определенного отказа населения поддержать Добровольческую армию в ее борьбе с большевиками⁵⁴. Нужно, однако, прибавить, что вина в происшедшем не лежала исключительно на населении. С самого начала и до самого конца своего пребывания в Крыму, Добровольческая армия в лице своего командного состава и значительной части своего офицерского состава, действовала по отношению к населению самым непоправимым образом. Большевицкому режиму притеснения и насилия был противопоставлен, если не равноценный режим добровольческих насилий, то во всяком случае такой режим, при котором ежедневные проявления насилия по всякому поводу, а иногда и без всякого повода, встречали чисто-академическое осуждение со стороны военачальствующих лиц, но не вызывали никакой активной борьбы, никакого серьезного противодействия с его стороны⁵⁵. Наиболее громкими и яркими эпизодами в этой области были преступления, совершенные чинами добровольческой части, занимавшей помещение бывшего Царского конвоя, по шоссе Ялта-Севастополь, над Ореандой, недалеко от того места, где начинается ниже-Алупкинское шоссе. Здесь было совершено несколько убийств, сопровождавшихся ограблением, причем предварительное следствие, произведенное особой

комиссией под председательством генерал-майора Погодина, занимавшего должность крымского главного военного прокурора, с полной определенностью выяснило, что в убийствах этих должны быть обвинены чины указанной части. Убийство Гужона, до конца не раскрытое, тоже по очень веским данным, имело тот же источник (но без корыстных мотивов, а исключительно по политическим основаниям, коренящимся в легенде, согласно которой Гужон был «немецким шпионом») ⁵⁶. Наряду с этими, чисто разбойническими, убийствами, были случаи расстрелов, произведенных без суда и следствия, тех или других случайных людей, основательно или нет заподозренных в принадлежности к большевизму ⁵⁷ (случаи расстрела в Симферополе, на вокзале, также в Севастополе, какого-то смазчика или кочегара, захваченного с большевистскими прокламациями). А затем, постоянно и повсеместно происходили самовольные обыски и аресты, до последней степени волновавшие население, самовольные реквизиции, возбуждавшие глубокое озлобление ⁵⁸. Правительство непрерывно должно было обращаться к начальнику штаба командующего так называемой Крымско-Азовской Добровольческой армии генерала Боровского ⁵⁹, генералу Пархомову ⁶⁰, по поводу всех этих эксцессов ⁶¹. На словах это всегда встречало полную готовность содействия к борьбе с ними и обещания «принять меры». На деле оно не видело ни одного сколько-нибудь серьезного шага в этом направлении. Постепенно складывалось убеждение, что для Добровольческой армии законы не писаны, а влияние таких лиц, как генерал Корвин-Круковский ⁶², имевший звание начальника (несуществующей) дивизии, распространяли и усиливали представление о Добровольческой армии, как о силе, насквозь проникнутой реакционными стремлениями и полным презрением ко всяким демократическим и правовым идеям. Нужно отметить для того, чтобы уяснить себе всю запутанность положения, что между начальником штаба Командующего Крымско-Азовской Добровольческой армии генералом Пархомовым и названным генералом Корвин-Круковским существовала открытая вражда. Каждый из них употреблял все усилия для того, чтобы утопить другого, причем генерал Пархомов действовал, по-видимому, более открыто, (с помощью более честных приемов, непосредственно) обращаясь к Ставке и указывая на разлагающее влияние генерала Корвин-Круковского, этот же последний старался завоевать себе популярность среди худших элементов офицерского состава, играя на реакционных, юдофобских и националистических инстинктах, распространяя басни насчет большевистских (sic!) симпатий генерала Пархомова и его полного подчинения Крымскому правительству, «возглавляемому евреем-караимом Крымом и руководимому евреем-министром внешних сношений Винавером» ⁶³. Все это до последней степени затрудняло задачу Крымского правительства. С самого своего возникновения связавшее себя с Добровольческой армией, имея общую с ней программу свержения большевистского ига и последующего объединения и восстановления России, оно должно было всеми способами отстаивать интересы и авторитет армии в Крыму при условиях, когда самой деятельностью чинов армии этим интересам и этому авторитету нано-

сился ежедневно и повсеместно величайший урон⁶⁴. При этом, несмотря на все усилия, Правительства сохранить тесные и дружеские отношения с генералом Деникиным и ее ближайшими помощниками, — усилия, выразившиеся в постоянных обширных переговорах по прямому проводу с Н. И. Астровым, членом Особого Совещания, являвшимся посредником между правительством и ставкой, — в посещении председателем Совета Министров С. С. Крымом (вместе с министром внутренних дел Богдановым и министром труда Бобровским) Ставки в первых числах февраля⁶⁵, — в продолжительных и проникнутых со стороны Правительства полной искренностью и откровенностью совещаниях с генералом Лукомским⁶⁶ при его посещении Симферополя в январе 1919 года, — в постоянных выступлениях членов Правительства в печати, в общественных собраниях, на земско-городском совещании, с призывом поддержать Добровольческую армию и ее вождей, — несмотря на все это со стороны Ставки постепенно росло чувство недоверия и недоброжелательности по отношению к Крымскому Правительству. Полное разъяснение этого процесса взаимного отчуждения есть дело будущего, если предположить, что когда-нибудь кто-нибудь им заинтересуется. Здесь я ограничусь указанием только на наиболее существенные его причины. В общем и целом они сводятся к тому, что Ставка не хотела считаться с положением Крымского правительства, избранного представителями демократических самоуправлений, состоящего из лиц, принадлежащих к двум основным политическим течениям конституционно-демократическому и социалистическому, связанному своей программой, которая была выработана совместно с земским совещанием и им санкционирована⁶⁷. С самого почти начала Ставка находила, что Правительство недостаточно энергично борется с большевизмом, но при совместном обсуждении этого вопроса и с генералом Лукомским, и позднее, с генералом Пархомовым, ни тот, ни другой не могли ни указать на какие-нибудь реальные упущения, ни предложить какие-либо реальные практические меры. Когда Правительство приняло власть (в ноябре 1918 г.) в Симферопольской тюрьме было свыше 60-ти лиц, о которых велось одно следственное дело по обвинению их в разных степенях участия в так называемых Евпаторийских убийствах, о которых я упомянул в начале. Это было огромное и сложное дело, по нему было привлечено до 150 обвиняемых, было допрошено до 800 лиц, следственное производство составляло 16 томов. При вполне нормальном состоянии судебной части, такое дело не могло бы быть скоро закончено и поставлено на суд. При тех условиях, которые были налицо в Крыму, возникал вопрос: да есть ли вообще возможность сколько-нибудь правильным судебным порядком закончить дело? Между тем, родственники жертв (главным образом, вдовы убитых офицеров) осаждали командование Добровольческой армии, требуя «немедленного» военного суда и расстрела виновных, и командование всячески давило на правительство, чтобы оно «как-нибудь» разрешило этот вопрос, не желая понять, что правительство не могло сойти с почвы экономических форм судебного производства, а прибегать к экстраординарным или вне-судебным формам спустя годы после того, как совершены

были преступления, казалось чрезмерным и недопустимым. Наряду с этим, командование обвиняло правительство в том, что оно не арестует родных «большевистских деятелей»⁶⁸. Когда же в марте или конце февраля было образовано Особое Совещание, вооруженное широкими административными полномочиями, причем разведка штаба Командующего Крымско-Азовской Добровольческой армией должна была давать материал этому совещанию, оказалось, что никакого сколько-нибудь серьезного материала в распоряжении этой разведки не было. Это и неудивительно. Все сколько-нибудь серьезно замешанные большевики либо успели скрыться еще весной 1918 года, либо сидели по разным тюрьмам, а с распространенным в некоторых группах населения большевистским «настроением» и большевистскими «симпатиями» нельзя было бороться арестами⁶⁹.

Другим источником неудовольствия был вопрос о созыве Крымского сейма. О нем здесь приходится сказать несколько слов.

В начале было указано, что созыв сейма — при определенных условиях — был одним из пунктов соглашения с земским совещанием, давшим правительству его полномочия, закон о выборах был выработан правительством и принят совещанием еще в декабре, причем тогда уже можно было предусматривать, что по условиям всей выборной процедуры, сейм мог быть созван не ранее конца апреля. Самые выборы начались в конце марта или начале апреля. Точное определение этого срока предоставлено было краевой комиссии по делам о выборах, с тем, чтобы ее решение было санкционировано правительством. Когда генерал Лукомский посетил Крым в январе 1919 г., он интересовался вопросом о созыве сейма, но узнав, что этот созыв не предполагается раньше конца марта, никаких дальнейших расспросов не делал и никакого мнения не заявлял. Такое равнодушное отношение объясняется тем, что в то время существовал совершенно определенный план перенесения Ставки в Севастополь, причем предполагалось, что и в Севастополе, и в ряде других городов будет объявлено военное положение, и никакие выборы в сейм не будут допущены. Впоследствии, как уже было указано, план перенесения Ставки в Крым был совершенно оставлен, и тогда со стороны Ставки начались энергические настояния, чтобы правительство отложило выборы на неопределенное время⁷⁰. Правительство в этом вопросе считало себя связанным и формально, и по существу. Формально — потому, что оно обязалось созвать сейм, это было обязательство, принятое на себя правительством. По существу — потому что без сейма правительство оставалось безответственным и подвергалось в уменьшенном виде той же опасности, какой подвергалось Временное Правительство, обещавшее созыв Учредительного Собрания и не имевшее возможности в краткий срок выполнить это обещание. С другой стороны, некоторые из членов Правительства находили, что созыв сейма действительно должен был быть отложен, как только выяснилось, что Крыму угрожает внешняя опасность со стороны большевиков. К марту это мнение разделялось всем правительством, но оно признавало — и в этом отношении также было полное единодушие между всеми его членами — что от-

срочка может быть сделана только с согласия земского совещания. К сожалению, земское совещание в подавляющем большинстве своем до самого конца противилось отсрочке сейма. Надо будет указать, какое значение этот вопрос получил в последнем земском совещании, созванном в середине марта, перед самым моментом большевистского натиска на Крым. При изложенных обстоятельствах у правительства могло быть три исхода: 1) Оно могло нарушить свое обязательство; 2) оно могло ультимативно потребовать от земского совещания отсрочки сейма, и в случае несогласия — уйти и 3) оно могло подготовить все для выборов и принять выжидательную позицию с тем, чтобы объявить отсрочку тогда, когда положение дел будет таково, что необходимость отсрочки окажется совершенно бесспорной. Правительство избрало последний путь. Ставка требовала первого пути, несомненно связанного с чем-то вроде *coup d'état*⁷¹, лишаящего правительство всякой дальнейшей общественной поддержки, подрывающего всякий нравственный авторитет правительства и обращающего его в дальнейшем в послушное и совершенно ненужное орудие ставки. Несогласие правительства подчиниться требованию ставки вызвало сильнейшее раздражение среди сотрудников генерала Деникина, причем самый сейм трактовался как сепаратистская выдумка. Это последнее обвинение было особенно неожиданно, если принять во внимание, что [вопрос] о сейме трактовала правительственная декларация, провозглашенная при самом принятии правительством его полномочий и не вызвавшая тогда никаких протестов.

Недоразумение по поводу северных уездов Таврической губернии заключались в следующем. После падения германской власти, эти уезды остались без всякой центральной власти, и там сразу проявилась тенденция — преимущественно в земских кругах, связанных с Крымом единством губернского земского собрания, — присоединиться к Крыму и войти в общую систему управления, возглавляемую Крымским правительством. Эта тенденция — в феврале 1919 — выразилась в постановлениях уездных земских собраний двух уездов — Мелитопольского и Бердянского. Надо заметить, что все три уезда находились в то время в весьма хаотическом состоянии. Там царила полная анархия. Небольшие отряды Добровольческой армии, под начальством сперва генерала Тилло, а потом генерала Шиллинга⁷², боролись с большевистскими шайками Махно и другими, производя сами всевозможные эксцессы и беззакония под знаком «военного положения». Присоединение трех уездов, означало бы распространение на них компетенции всех административных, судебных и финансовых учреждений Крымского правительства. Ставка генерала Деникина не возражала против такого присоединения, она одобряла предположенное Крымским правительством образование особого генерал-губернаторства из трех уездов. Фактически состоялось даже и назначение Ф. В. Татаринова на должность генерал-губернатора. Но затем оказалось, что всю финансовую часть Добровольческой армии оставляет за собою — Мелитопольское и Бердянское отделения государственного банка и уездные казначейства остаются в распоряжении Особого Совещания и им же должны

ассигноваться все кредиты. При таких условиях, после долгой и бесплодной телеграфной переписки, Крымское правительство сочло себя вынужденным отказаться от предположенного объединения всей бывшей Таврической губернии под своей властью и отменило состоявшееся уже постановление о назначении генерал-губернатора, а также об учреждении Мелитопольского окружного суда, в котором ощущалась большая надобность. Вся эта история усилила взаимное раздражение.

Еще более серьезные трения происходили между Ставкой и Правительством по вопросу о введении в Крыму военного положения. Любопытно отметить, что само местное командование Добровольческой армии отрицательно относилось к настойчивым требованиям Ставки о скорейшем осуществлении этой меры⁷³. Оно хорошо понимало, что на месте нет той сильной военной власти, без которой военное положение — в отношении основных своих задач — остается мертвой буквой, давая, однако, в тоже самое время, полную возможность, безнаказанно совершать какие угодно беззакония, раздражающие и волнующие местное население. К сожалению, командование категорически высказалось по этому поводу очень поздно, — лишь тогда, когда последовал совершенно недопустимый по форме и по содержанию ультиматум, предъявленный правительству генералом Деникиным. Об этом будет сказано ниже. Здесь же приходится отметить, что правительство Крымское не только не цеплялось за власть, бывшую для него тяжким бременем, несение которого не давало ни в каком отношении никакого другого удовлетворения, кроме сознания исполненного долга, — но с радостью и признательностью было бы готово передать эту власть в другие надежные и достойные руки. К несчастью, при данной обстановке правительство не могло считать Особое Совещание при генерале Деникине и его органы подходящим заместителем⁷⁴. Но даже, если бы оно держалось иного мнения, оно не имело права передать ему те полномочия, которые само оно получило от земского совещания без санкции этого последнего. О такой санкции нечего было и думать⁷⁵.

Наконец, полная неудача призывов, объявленных крымским правительством в результате настояний со стороны Ставки, также способствовала обострению взаимных отношений, а главное — устроила для Ставки достаточные мотивы [не] считаться с правительством, [не] возлагать на него надежды и ожидания⁷⁶.

Таково было общее положение, когда началась севастопольская забастовка.

10-го марта, во время отсутствия из Симферополя министра-председателя (уехавшего по делам в Массандру), ко мне, как к заместителю его, пришел генерал Пархомов и сообщил мне некоторые сведения о ходе дел в Севастополе, спросил меня, как относится правительство к вопросу о введении там военного положения, — не сейчас, а после того, как состоится конференция профессиональных союзов, назначенная на 12-е марта. По сведениям штаба, эта конференция должна была поддержать забастовку, и произвести яркое большевистское выступление в своих резолюциях. В нашем разговоре с Пархомовым принял участие

и П. С. Бобровский, вошедший случайно в мой кабинет. Мы оба заявили, что принципиально не имеем оснований возражать против введения военного положения, раз выясняется необходимость энергических реагирований против готовящихся выступлений, но что нужно обсудить и решить ряд практических вопросов, возникающих в связи с такой мерой. После ухода генерала Пархомова получена была телеграмма из Севастополя, от М. М. Винавера, подписанная также С. А. Никоновым, и сообщающая о тревожном положении и о происшедшем накануне большевистского митинга с резолюциями соответствующего характера.

[На этом рукопись воспоминаний В. Д. Набокова о Крымском правительстве обрывается. — А. П.]

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 525. Л. 1–30. Рукопись. [1920 г.]

¹ Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 60.

² Деятельности Второго Крымского Краевого правительства (ноябрь 1918–апрель 1919 гг.) посвящен ряд современных исследований, среди которых можно указать работы А. Г. и В. Г. Зарубиных, В. Ж. Цветкова и А. С. Пученкова (*Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008; Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. С. 138–153; Пученков А. С. Украина и Крым в 1918–начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 144–161*).

³ *Винавер М. М. Наше правительство (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928. С. 69–71.* — Ср. с мнением известной кадетской деятельницы А. Тырковой-Вильямс, высказанным ей в письме мужу — Гарольду Вильямсу: «Я сделала любопытное открытие — Влад[имир] Набоков оказался очень ограниченным человеком. Он такой затхлый, что от него просто подвалом пахнет. И не этим людям устанавливать новый строй...» (См.: *Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н. И. Канищева. М., 2012. С. 333. Письмо от 10 июня 1919*).

⁴ Дом Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына. Ф. 53. Оп. 1. Д. 17. Астров Н. И. «Воспоминания о гражданской войне на Юге России». Ч. IV. Л. 118–119.

⁵ *Коваленко Н. А. Владимир Дмитриевич Набоков: Человек и политик. М., 2002. С. 260–261.*

⁶ *Набоков В. Временное Правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. I. С. 9–96.*

⁷ Уникальным источником является опубликованный в «Архиве русской революции» «Журнал Заседания Совета Министров Крымского Краевого правительства» 16 апреля 1919 г., составленный на борту судна «Надежда», двигавшегося из Крыма в Константинополь с министрами на борту, и названный его авторами «Общим журналом о событиях последних двух недель». «Общий журнал», представляющий собой краткий отчет кабинета Соломона Крыма об эвакуации и событиях, предшествовавших ей, в какой-то мере является дополнением изложенного в записках В. Д. Набокова, доводя событийную линию до окончания деятельности Второго Крымского краевого

правительства (см.: Журнал Заседания Совета Министров Крымского Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. // Архив русской революции. М., 1991. Т. II. С. 135–142.). Кроме того, если верить воспоминаниям И. В. Гессена — издателя «Архива русской революции» и многолетнего товарища В. Д. Набокова (в гессеновский «Архив русской революции» Набоков и отдал записки о своей работе во Временном правительстве). Владимир Дмитриевич неоднократно «со свойственным ему спокойным юмором рассказывал» ему «быстротечную историю этого правительства, передо мной оживала северо-западная эпопея еще в более противоестественном варианте. Здесь кучка людей сами себя назначили правительством, вследствие чего оно было еще более эфемерно, от Добровольческой армии, ведшей здесь борьбу с большевиками, совсем оторвано и никакого влияния, никакого касательства к борьбе этой не имело». Им же, Набоковым и был составлен комментарий к «Журналу заседаний Совета Министров Крымского Краевого правительства (см.: Гессен И. В. Годы изгнания. Paris, 1979. С. 116–117.) В указанном комментарии Набоков, отмечая бесцеремонность и «грубое презрение к личности» вчерашних министров со стороны союзников, отмечает, что «краевое правительство... опиралось на местные демократические элементы и имело поддержку Добровольческой армии и союзных сил, занимавших с января 1919 г. Севастополь. В решительный момент эта поддержка оказалась недостаточной...» (см.: Журнал Заседания Совета Министров Крымского Краевого Правительства... С. 135). Колоритное описание событий, предшествующих эвакуации кабинета Соломона Крыма за границу, см.: Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России. 1917–1918 гг. М., 1996. С. 137–138.

⁸ *Винавер М. М.* Наше правительство (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928.

⁹ Второе крымское правительство. Воспоминания бывшего члена правительства П. С. Бобровского / Оpubл. в: *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918–начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 295–330.

¹⁰ *Пасманик Д. С.* Революционные годы в Крыму. Париж, 1926.

¹¹ *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 783. Дневник В. Д. Набокова. 02.10.1918–04.04. 1919 г.

¹³ Частично дополняет и уточняет записки В. Д. Набокова «Крым в 1918/19 гг.» и его дневник за тот же период подробная запись рассказа Набокова о его работе в Крымском правительстве, сделанная (видимо, на слух) П. Н. Милюковым 1 июня 1919 г. (см.: Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921. М., 2004. С. 426–432).

¹⁴ Анализ взглядов лидеров кадетской партии относительно ключевых проблем, поставленных перед Россией и миром Первой мировой войной, см.: *Шелохаев В. В., Соловьев К. А.* Российские либералы о Первой мировой войне // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 184–196.

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей... С. 294–299; *Пученков А. С.* Украина и Крым... С. 124–127.

¹⁶ Сейдамет (Кырымер) Джафер (1889–1960), крымский государственный и общественный деятель. Учился на юридических факультетах Константинопольского университета и Сорбонны. После Февральской революции — один из организаторов татарского национального движения, член Мусульманского исполнительного комитета. В Первом Крымском Краевом правительстве — министр иностранных дел (май–сентябрь 1918 г.). Умер в Стамбуле. Мемуарист.

¹⁷ Крым Соломон Самойлович (1867–1936), известный крымский общественный и земский деятель, депутат I и IV Государственной Думы, в ноябре 1918–апреле 1919 гг. — председатель Второго Крымского Краевого правительства. Член кадетской партии. Караим. Скончался во Франции.

¹⁸ Сулькевич Матвей Александрович (1865–1920), генерал-лейтенант, по происхождению литовский татарин. С июня по ноябрь 1918 г. — премьер-министр, министр внутренних, военных и морских дел в Первом Крымском Краевом правительстве. Расстрелян ВЧК в 1920. Подробная характеристика Сулькевича-политика см.: *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года... С. 131–133 — По словам виднейшего американского специалиста

по проблеме П. Кенеза, «Сулькевич был крымским Скоропадским...» (см.: *Kenez P. Civil war in South Russia, 1918. Berkeley, 1971. P. 276*). «Правительственная политика [Сулькевича] не носила официальных признаков национального шовинизма», — признавал яростный оппонент Сулькевича генерал А. И. Деникин, отметивший, впрочем, «руссофобскую работу» крымского диктатора (см.: *Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. III. С. 396, 398.*)

¹⁹ «Столь пестрое по составу правительство генерала Сулькевича не имело определенной физиономии. Оно не было прямо сепаратистским, но тем не менее старательно изгоняло из терминологии своих постановлений и своей административной практики все то, что указывало на принадлежность Крыма к России. Государственными языками были объявлены русский, татарский, и — в угоду немцам — немецкий. Фактически единственным государственным языком был русский, ибо все чиновники остались русские, да крымско-татарский язык по своей неразработанности и вообще не годится на роль государственного... Более определена была реакционная политика правительства, выразившаяся в замене некоторых законов Временного Правительства старыми царскими законами и в охране крупного землевладения», — вспоминал министр труда в кабинете Соломона Крыма П. С. Боровский (см.: ГАРФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 7. Л. 6).

²⁰ По словам одного из крупнейших советских историков проблемы А. И. Гуковского, автора фундаментальной монографии по истории германской интервенции, написанной еще в конце 1930-х гг., но в полном виде так и не опубликованной до настоящего момента, правительство Сулькевича было «еще более эфемерное, чем «правительство» гетмана Скоропадского на Украине... Германские штыки были единственной опорой его власти» (см.: Отдел Рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 623. Ед. хр. 4. Рукопись А. И. Гуковского Борьба с вооруженной интервенцией Антанты на Украине и в Крыму в 1918–1919 г. Л. 320.).

²¹ Лизогуб Федор Андреевич (1851–1928), российский и украинский общественный и политический деятель, при Скоропадском — председатель Совета министров Украинской Державы (май-октябрь 1918 г.). Эмигрант. Скончался в Белграде.

²² Подробнее об отношениях Крыма и Украинской Державы при Сулькевиче см.: *Пученков А. С. Украина и Крым в 1918–начале 1919 года... С. 146–149* — Скоропадский был убежден, что «Украина же не может жить, не владея Крымом, это будет какое-то туловище без ног. [выделено нами. — А. П.] Крым должен принадлежать Украине, на каких условиях, это безразлично, будет ли это полное слияние или широкая автономия, последнее должно зависеть от желания самих крымцев, но нам надо быть вполне обеспеченными от враждебных действий со стороны Крыма. В смысле же экономическом Крым фактически не может существовать без нас...» (см.: *Скоропадский П. Спогади. К.; Філадельфія, 1995. С. 262*). Ср. с точкой зрения министра иностранных дел при Скоропадском Д. И. Дорошенко: «...мы не могли отказаться от Крыма по целому ряду крайне важных причин: политических — не желая иметь под рукой своеобразный Пьемонт для будущей единой-неделимой России, стратегических — не имея возможности оставлять в чужих руках Севастополь как базу для украинского флота и ключ к господству на Черном море...» (см.: *Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914–1920 роки). К., 2007. С. 299*). В свою очередь, знаменитый богослов и министр церковных исповеданий в правительстве Скоропадского В. В. Зеньковский вспоминал: «вопрос о Крыме приобретал в чисто украинских перспективах очень серьезный и острый характер... Да если бы Украина уцелела как самостоятельное государство, она, конечно, неизбежно, в силу географических условий, просто поглотила бы Крым...» (см.: *Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти (Воспоминания) / Под ред. М. А. Колерова. М., 2011. С. 240*). Бесстрастное изложение хода крымско-украинских переговоров осени 1918 г. см.: Крымско-украинские переговоры. Собрание документов, касающихся пребывания в Киеве делегации Крымского государства. 26 сентября–16 октября 1918 г. Симферополь, 1918. — Единственной, по большому счету, специальной монографией по этой проблеме является книга А. Иванца, не свободная, впрочем, от «киевоцентричного» взгляда на крымско-украинские отношения эпохи гражданской войны (см.: *Иванец А. В. Кримська проблема в діяльності УНР періоду Директорії (кінець 1918–1920 рр.). — Симферополь, 2013*).

²³ «Эта тихая, полуемая осада властей предержавших длилась более месяца, пока, наконец, генерал Кош не объявил генералу Сулькевичу, что германское командование больше правительства ген. Сулькевича поддерживать не может. Это случилось 15 ноября, и бедному Сулькевичу ничего не оставалось, как согнуть шею под земское иго, пригласить земского избранника С. С. Крыма и добровольно сдать ему власть...» (*Винавер М. М. Наше правительство (Крымские воспоминания, 1918–1919 гг.). Париж, 1928. С. 15–16*).

²⁴ Богданов Николай Николаевич (1875–1930), полковник, участник I-го Кубанского «Ледяного» похода Добровольческой армии, заведующий финансовой частью армии, кадет, депутат II Государственной Думы. Во Втором Крымском Краевом правительстве — министр внутренних дел, в эмиграции — хранитель Русского заграничного исторического, «Пражского» архива. Автор воспоминаний, посвященных различным периодам гражданской войны, отложившихся в фондах ГАРФ.

²⁵ «Во время этого совещания выяснилось, что земцы считают единственным возможным главой будущего правительства С. С. Крыма, пользующегося наибольшей популярностью среди всех слоев населения. Комитет мог только приветствовать это решение. Явившийся вскоре С. С. Крым заявил, что он готов принять возлагаемое на него поручение, если члены Центрального Комитета, к которым он обратился, не откажутся разделить с ним «ответственность». Такими обреченными на «разделение ответственности» оказались В. Д. Набоков и я...» (см.: *Винавер М. М. Наше правительство... С. 10*).

²⁶ Петрункевич Иван Ильич (1843–1928) — выдающийся земский и общественный деятель, член I Государственной Думы, один из основателей кадетской партии и кадетского партийного органа — петербургской газеты «Речь». Автор посмертно опубликованных в «Архиве Русской революции» воспоминаний — «Из записок общественного деятеля».

²⁷ Если верить воспоминаниям М. М. Винавера, предложение вступить в состав правительства последовало ему от И. И. Петрункевича, особо акцентировавшего внимание на том, что Винавер олицетворял собой «инострannую политику» партии кадетов, и, в отличие от П. Н. Милюкова, заявил о себе как об убежденном стороннике союзнической ориентации, чуждом каких-либо колебаний в этом вопросе (см.: *Винавер М. М. Наше правительство... С. 9–10*). По словам М. М. Винавера, «партия [кадетов. — А. П.] считает, что Россия связана с союзниками... что измена союзникам со стороны большевиков не есть измена со стороны России... Большевики явились союзниками нашего врага, врагом наших союзников. Мы вправе поэтому требовать помощи в борьбе с общим врагом...» (см.: *Беседа с Винавером // Одесский листок. 1918. 15 (2) ноября*).

²⁸ Ср. с дневниковой записью В. Д. Набокова: «В Симферополе. Целый день совещание гласных — наши [кадетов. — А. П.] совещания у [А. Я.] Хаджи. Торговался с социалистами. Утром Крым, Винавер и я беседовали по вопросу о вхождении В.[инавера] (антисемитизм!) и обсуждение состава кабинета» (см.: ГАРФ. Ф. Р.–5881. Оп. 2. Д. 783. Дневниковая запись от 4 октября 1918 г. Л. 1). Не лишена примечательности в этой связи дневниковая запись бывшего члена Особого Совещания при Деникине, октябриста Н. В. Савича, узнавшего о смерти Набокова: «Мне лично очень жаль Набокова, хотя его знал мало. Но он производил на меня приятное впечатление порядочного человека, и притом он был среди кадет редким исключением — в смысле наличия у него сильного национального инстинкта. Он сперва был русским, а потом уже кадетом, членом партии, где так сильно влияние Винавера и его соплеменников. Он был одним из видных протестантов в этой среде, против идеологии Милюкова и Винавера, против служения прежде всего идее еврейского блага и признания блага России постольку, поскольку оно совпадает или не противоречит специфическим интересам еврейства. Словом, он был, сам того не сознавая, быть может, главою русского влияния в кадетской партии...» (см.: *Савич Н. В. После исхода: Парижский дневник. 1921–1923. М., 2008. С. 212. Запись от 30 марта 1922*).

²⁹ Об антисемитизме в Добровольческой армии см.: *Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина. СПб., 2012. С. 201–272; Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005.*

С. 158–219.

³⁰ Par acquit de conscience — например, для успокоения совести (*фр.*).

³¹ В своих воспоминаниях Винавер, памятуя, быть может, об этом разговоре с Набоковым, подчеркнул, что проговаривал этот вопрос с Петрункевичем. «Но, кроме союзников, нам придется, вероятно, иметь дело и с ДА [в воспоминаниях Винавера везде употребляется именно сокращенное название Добровольческой армии. — А. Л.]. А я этих людей не знаю, не имел никогда связей с военной средой; не знаю даже, не помешает ли сношения с ними мое еврейство. Возмущенный И. И. [Петрункевич. — А. Л.] резко ответил: «Если бы там гнездились такие предрассудки, то лучше было бы вовсе не идти с ними, ибо все равно с такими настроениями не спасти Россию. Но я этого не думаю. Вы туда поедете, познакомитесь, и я убежден, что они станут в совершенно нормальные отношения к нам. Во всяком случае, на этом пункте уступать мы морально не вправе». «Таков был основной смысл аргументов, которые в конце концов устранили все мои сомнения. Я дал согласие», — вспоминал Винавер (см.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 10). В середине октября 1918 г. Винавер посетил столицу «Деникии» Екатеринодар, где в те дни проходил областной кадетский съезд, на котором, несмотря на его «провинциальный» статус, присутствовали главные звезды партии — П. Н. Милуков, Н. И. Астров, В. А. Степанов. Съезд, в общем-то, по определению Винавера, представлял собой «всю свободную от большевиков и от немцев Россию. Съезд в действительности и был все-российским» (см.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 18). Участие в съезде Винавер объединил с «паломнической», по его словам поездкой в Добровольческую армию. «Как только начались переговоры об образовании Крымского Правительства, возник естественный вопрос: а где же та военная сила, на которую мы будем опираться... при наличии ДА, являвшейся элементом не местной, а всероссийской государственности, представлялось принципиально желательным связать себя именно с нею, передать ей военное командование, сохраняя за собою самостоятельность лишь в гражданском управлении краем. Этот план еще с новой стороны выявлял тот жизненный принцип, который мы положили в основу нашей организации. Установление связи с ДА на случай, если нас призовут к власти, и было возложено на меня при моей поездке в Екатеринодар» (см.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 18).

³² Ср. с дневниковой записью В. Д. Набокова: «...выяснилось, что главный пункт расхождений с социалистами — вопрос о восстановлении городских и земских самоуправлений...» (см.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 783. Дневниковая запись от 4 октября 1918 г. Л. 1).

³³ «В Симферополе. Соглашение с социалистами достигнуто. Мы уступили по вопросу о самоуправлении, они по всем пунктам. Приняли резолюцию» (см.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 783. Дневниковая запись В. Д. Набокова от 5 октября 1918 г. Л. 1).

³⁴ «В 6 часов я был у Сулькевича, по его приглашению. Он предложил кадетам составить кабинет, с тем, что он остается начальником края. Отказ» (см.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 783. Дневниковая запись В. Д. Набокова от 5 октября 1918 г. Л. 1).

³⁵ Я сказал, что без такой оговорки, я считаю, что мы идем на авантюру, и что я на нее не пойду (Примечание В. Д. Набокова).

³⁶ «Произошла немая сцена. Сулькевич, очевидно, не знал, продолжать ли разговор и в каком тоне его вести. Наконец, был избран дружелюбный тон: Не понимаю, зачем вам нужно другое правительство? Ведь тех же лиц, каких вы намечаете, я бы охотно пригласил в свой кабинет. А вы тут революцию какую-то затеяли! Ну, давайте попросту объяснимся. Что вы против меня имеете?» (см.: *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 615). Любопытно, что также — как «государственный переворот», — как вспоминал участник совещания на квартире у Н. Н. Богданова П. С. Бобровский, квалифицировали смещение Сулькевича и другие кадеты (см.: ГАРФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 7. Записки министра труда крымского правительства П. С. Бобровского. Л. 16. Сам П. С. Бобровский примыкал к плехановской социал-демократической группе «Единство»). «Может показаться невероятным, что в течение 2–3 дней в столице “Крымского государства” заседал легально созданный съезд,

на котором открыто, в присутствии публики, обсуждался вопрос необходимости свержения существующей власти. Еще более невероятным было то, что эта власть не делала попыток разогнать съезд. Насколько я могу припомнить, настроение свое и других членов съезда, ни у кого из нас не было и признака какого-либо страха перед властью. Мы настолько не ожидали репрессивных мер, что были чрезвычайно удивлены, когда, хотя и с большим опозданием, правительством Сулькевича все же была сделана весьма жалкая и смехотворная попытка разогнать нас...» (см.: ГАРФ. Ф. Р–6400. Оп. 1. Д. 7. Л. 17).

³⁷ «Выяснилось, что Сулькевич уходит в отставку», — такую запись в своем дневнике Набоков оставил еще 6 октября 1918 (см.: ГАРФ. Ф. Р–5881. Оп. 2. Д. 783. Л. 1). В свою очередь, в записи от 10 октября Набоков сообщает (со слов С. С. Крыма) о неизбежной отставке Сулькевича и предстоящем образовании кадетского кабинета (см.: ГАРФ. Ф. Р–5881. Оп. 2. Д. 783. Л. 2).

³⁸ «Съезду предшествовало партийное совещание комитета к.-д. на даче Винавера под Алуштой. На этот раз было решено предложить съезду избрать главу намечаемого правительства, дабы немцы знали, кого выдвигают местные общественные учреждения в качестве заместителя Сулькевича. Долго нам не пришлось искать кандидата. Все признали наиболее подходящим Соломона Самойловича Крыма» (см.: *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 612).

³⁹ «Говорил с Крымом по телефону. Усиленно зовет» (см.: ГАРФ. Ф. Р–5881. Оп. 2. Д. 783. Запись В. Д. Набокова от 3 ноября 1918. Л. 3).

⁴⁰ Ср. с формулировкой М. М. Винавера: «Крымское правительство имело задачей упрочить связь оторванной немцами и сепаратистским правительством ген. Сулькевича части территории России [т. е. Крыма. — А. Л.] со всею остальной Россией, основываясь на началах русской государственности во внутренней политике и верности союзникам во внешней политике» (см.: Крымское Краевое правительство в 1918/19 г. / Предисловие А. Гуковского // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 130).

⁴¹ «Не говоря уже о том, что двое из нашего состава, М. М. Винавер и В. Д. Набоков, не были местными людьми и ничем не были связаны с Крымом, все общественные деятели, вошедшие в состав правительства, вели борьбу с сепаратизмом татар во время немецкой оккупации. Чужды сепаратизма были и общественные круги, на которые опиралось правительство Крыма. Само правительство было создано, как временное образование до освобождения татар от большевиков и введения нормального управления губерниями», — писал Деникину бывший министр внутренних дел Второго Крымского Краевого правительства Н. Н. Богданов (*Богданов Н.* Открытое письмо А. И. Деникину // Последние новости. Париж. 1928. 22 декабря). «Письмо» Богданова, по сути, представляло собой развернутую критическую рецензию на главы V тома «Очерков русской смуты» А. И. Деникина, посвященные истории полуострова в период кабинета Соломона Крыма. Богданов, Набоков, Бобровский и Винавер заявляли о непонимании белым диктатором «духа» демократического крымского правительства, злоупотреблениях белогвардейской военщины в Крыму и в излишней склонности к централизму. Деникин, в свою очередь, несколько иронически, писал о том, что правительство Соломона Крыма являло собой «законченный опыт демократического правления, хотя и в миниатюрном территориально масштабе, — правления, обладавшего суверенностью, полным государственным аппаратом и подобающими ему званиями...» (см.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 420).

⁴² По определению крупнейшего зарубежного исследователя партии кадетов, У. Розенберга, Крым был «единственным местом, где в Гражданскую войну кадеты намеренно не отошли от своих обычных программ и принципов... кадеты преуспели в создании того, что сами называли моделью либеральной администрации, подотчетной региональному парламенту» (см.: *Розенберг У. Г.* Конституционно-демократическая партия (кадеты) // Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. С. 219).

⁴³ Еще с думских времен, кадеты (естественно, с подачи своего лидера П. Н. Милюкова), как вспоминал вдумчивый мемуарист писатель Л. В. Успенский, испытывали особый интерес к «дипломатии высшего полета»

(см.: *Успенский Л. В.* Записки старого петербуржца: Главы из книги. Л., 1990. С. 282). Милюков, после Февральской революции, как вспоминал чиновник министерства иностранных дел В. Б. Лопухин, безудержно ликовал, став руководителем внешней политики России, сбылась его давнишняя мечта (см.: *Лопухин В. Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / Отв. ред. С. В. Куликов; вступ. ст. С. В. Куликова, подгот. текста и коммент. С. В. Куликова, Д. Н. Шилова. СПб., 2008. С. 294). Винаверу, как за полтора года до этого Милюкову, нравился как его пост, так и его работа. Министр справедливо полагал, что в условиях наличия на территории полуострова сил интервентов, установление с ними нормальных отношений является главной задачей момента. Вместе с тем со стороны деятельность Винавера выглядела комично: так, например, опытный политик правого толка, член Особого Сопровождения при Главкоме ВСЮР Деникине Н. В. Савич, вспоминая свои впечатления от встреч с Набоковым и Винавером, писал: «Приходилось не раз беседовать с Набоковым и Винавером. Меня при этом поражало то, что эти безусловно умные, прошедшие большую общественную школу люди смотрели на свое положение министров крымской эфемериды как на что-то серьезное, могущее иметь какое-то длительное и государственное значение. Особенно в этом отношении был забавен Винавер, который себя держал как заправский министр иностранных дел Российской державы» (см.: *Савич Н. В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 273). Вторил Савичу и чрезвычайно осведомленный мемуарист, князь Г. Н. Трубецкой, в годы Великой войны служивший русским представителем в Сербии, а в конце 1917 г. стоявший у истоков беспримерной добровольческой эпопеи: «Краткий эпизод Крымского правительства ярко иллюстрировал несостоятельность кадетской политики. Украшение к.-д. партии, Винавер, который раньше тешился званием сенатора, полученного им при Керенском, теперь был упоен званием министра, хотя бы Крымского. Ему доставляло детское удовольствие получать от иностранцев конверт с надписью: A Son Excellence [Ваше Превосходительство (*фр.*)]..., и он не отказывал себе в удовольствии произносить речи и делать декларации не только от маленького Крыма, но и от имени России...» (см.: *Трубецкой Г. Н.* Годы смут и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 159). Уже в эмиграции бывший министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов то ли в шутку, то ли всерьез выпрашивал у Винавера, как тот мог променять «свое положение первого адвоката России на роль последнего министра иностранных дел»? Тем не менее, как вспоминал дипломат Г. Н. Михайловский, «Винавер не мог начать ни одного разговора без стереотипной фразы: «Когда я был министром иностранных дел в крымском правительстве...» (см.: *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. В 2-х кн. Кн. 2. Октябрь 1917 г.–ноябрь 1920 г. М., 1993. С. 119). По утверждению Милюкова, в Крыму Винаверу приходилось «в ответственной роли члена крымского кабинета вести борьбу со злоупотреблениями военщиной в Добровольческой армии и отыскивать способы соглашения — на что он был такой мастер — с общественными течениями, стоявшими левее партии свободы. В Крыму, кроме того, он поддерживал идею самостоятельности новых национально-территориальных образований, и это сделало его противником добровольческого централизма...» (см.: *Милюков П. Н. М. М.* Винавер и «новая тактика» // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. / отв. ред. и сост. М. Г. Вандалковская; [подгот. текста М. Г. Вандалковская, В. В. Тихонов; коммент. и указ. В. В. Тихонов]. М., 2012. С. 278). К слову, вспоминая службу Набокова в крымском правительстве, Милюков писал о том, что пребывание Владимира Дмитриевича на посту министра юстиции в кабинете Соломона Крыма было для Набокова неприятным эпизодом его жизни. «Эпизод этот, видимо, причинил ему глубокое огорчение и вызвал даже моральные страдания. Крайне сложное положение между деникинскими генералами и левыми элементами крымского земства, попытка спасти либеральные принципы власти в окружении военной диктатуры, общее непонимание и, в заключение всего, оскорбительная ликвидация правительства союзниками — все это создало в Набокове чувство глубокой обиды за незаслуженные обвинения, при полном нежелании обвинителей понять положение и при невозможности объясниться» (см.: *Милюков П. Н. В. Д.* Набоков (к годовщине смерти) // П. Н. Милюков: «русский европеец»... С. 262).

⁴⁴ «Для редактирования законов была организована в составе Совета Министров Редакционная Комиссия; во главе ее стоял Набоков. Всякий, кому известны исключительные стилистические и редакторские дарования Набокова, поймет, каким строгим и безупречным стилем были писаны наши законы, и пожалеет вместе со мною, что этот труд, руководимый Набоковым, — не сохранился, — труд, касающийся предметов, которых неизбежно будет касаться всякое будущее русское законодательство...» (см.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 180).

⁴⁵ Out-voting — из голосования (*англ.*).

⁴⁶ «Ясно было, что правительство генерала Сулькевича после ухода немцев падет немедленно. Нам придется формировать свое. Но ведь в его распоряжении не будет ни одного солдата. Мысль о формировании собственной территориальной армии, выдвигавшаяся частью социалистов, была явно утопична. А между тем события шли быстро... Для всех знакомых с положением на Украине, не могло быть сомнений, что там вспыхнет восстание. Трудно было отвечать и за спокойствие в крупных центрах Крыма, где большевики имели свои организации. Наконец, возможно было ожидать продвижения Красной армии через Украину. Все эти события не стали бы ждать, пока новое крымское правительство сформирует свою маленькую армию. Медлить было нельзя... Я созвал совещание губернской управы, на котором было принято решение обратиться от лица Таврического земства к генералу Деникину с просьбой занять своими войсками Крым немедленно после ухода немцев. С соответствующим постановлением, подписанным составом управы, был нами командирован в Екатеринодар мой предшественник на должности председателя управы, Н. Н. Богданов, участник первого кубанского похода и лично хорошо знакомый с Деникиным» (см.: *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 616–617).

⁴⁷ Обращаясь к С. С. Крыму, Деникин писал: «В данное время Добр. арм. [Добровольческая армия. — А. П.] ведет кровопролитное сражение в районе Ставрополя и не может выделить для Крыма серьезных сил. Но помочь от души желаем. Поэтому я сделал распоряжение:

1. Немедленно выслать небольшой отряд с оружием в Ялту.
2. Другим отрядом занять Керчь.
3. В командование вооруженными силами вступить ген.-майору Корвин-Круковскому, которому даны следующие инструкции: Русская государственность. Русская армия. Подчинение мне. Всемерное содействие Крымскому Правительству в борьбе с большевиками. Полное невмешательство во внутренние дела Крыма и в борьбу вокруг власти.
4. Посланные части являются лишь кадром, который будет пополнен мобилизацией офицеров и солдат на территории Крыма. Дело это поручено «Начальнику Крымского Центра» генералу барону де-Боду. В его распоряжение командуются соответствующие помощники по делу формирования и снабжения (см.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 229. Цитируется письмо Деникина от 7/20 ноября 1918 г.). Подробнее см.: *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918–начале 1919 года... С. 149–153). По словам Деникина, «вопрос материального обеспечения армии был обусловлен ассигнованием крымским правительством 1млн. руб. «на первый месяц», и, как выяснилось позже, снабжение должно было лечь почти всецело на добровольческую казну при некоторой только финансовой поддержке местного правительства...» (см.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 419).

⁴⁸ В письме военному министру правительства Колчака генералу Н. А. Степанову, датированному декабрем 1918 г., Деникин с удовлетворением сообщал о том, что «Крымский полуостров входит в сферу действий Добровольческой армии по соглашению с местным краевым правительством и занят частями Добровольческой армии, также начинается производство мобилизации...» (см.: Российский Государственный военный архив (да-

лее —РГВА). Ф. 40308. Оп. 1. Д. 22. Л. 2). Между тем в своих воспоминаниях Деникин оценивал факт контроля своей армии над Крымом уже более сдержанно: «В морально-политическом отношении это [попадание Крыма в орбиту влияния белого Главнокомандования. — А. П.] был еще один шаг в сторону государственного объединения. Но в чисто стратегическом, кроме прикрытия военных портов и морских баз, занятие Крыма давало к тому времени мало выгод: Крым требовал войск, снабжения и хлеба, отягчая тем положение главного фронта Доброй Армии» (См.: *Деникин А. И. Очерки русской смуты*. М., 2003. Т. V. С. 419–420). В свою очередь, стоявший в то время достаточно близко к Деникину, князь Г. Н. Трубецкой писал в своих мемуарах о том, что «для Добровольческой армии Крым не представлял особенного интереса с военной точки зрения. Он был скорее обузой, потому что его приходилось продовольствовать», подтверждая тем самым оценку Деникина. Учитывая то, что записки Трубецкого были закончены в июле 1919 г., вскоре после падения правительства Соломона Крыма, они представляют собой, по сути, моментальную фотографию разговоров и настроений высшего командования Добровольческой армии (*Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд. 1917–1919*. Монреаль, 1981. С. 167).

⁴⁹ По справедливому утверждению Деникина, совместной перепиской и заявлениями С. С. Крыма и А. И. Деникина «устанавливался характер наших будущих взаимоотношений — к сожалению, недостаточно определенно, давая впоследствии поводы для взаимных трений» (см.: *Деникин А. И. Очерки русской смуты*. М., 2003. Т. V. С. 419).

⁵⁰ По утверждению ярославского историка В. П. Федюка, «за короткий срок [в Крыму. — А. П.] добровольцы сумели настроить против себя и правительство, и население Крыма, и союзников» (см.: *Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России. 1917–1918 гг.* М., 1996. С. 130).

⁵¹ Отложившаяся в архиве переписка между Главнокомандованием Вооруженными Силами на Юге России и Командованием Крымско-Азовской Добровольческой армии показывает, что обе стороны обвиняли друг друга во взаимозависимых вещах: Ставка обвиняла крымское командование в непринятии действенных мер к обороне Крыма; в свою очередь, Командующий Крымско-Азовской армией генерал А. А. Боровский еще ранее запрашивал Ставку о подкреплении для усиления положения армии ввиду предстоящей защиты полуострова от большевиков, на что и Деникин, и его начальник штаба генерал И. П. Романовский уведомляли А. А. Боровского об отсутствии резервов для подкреплений. Когда же весной 1919 г. разразилась катастрофа, Деникин телеграфировал: «Никогда еще местные условия не были так благоприятны для обороны, как в Крыму. Я был спокоен за Перекоп и Чонгар. Но войска у Перекопа покрыли себя позором» (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 144. Л. 26. Телеграмма Деникина от 13 марта 1919 г.). В секретной телеграмме на имя Боровского, сутками ранее, правая рука Главкома, Романовский, несомненно, высказывая и позицию Деникина, сообщал о том, что в Ставке положение в Крыму видится следующим образом: «По сведениям, полученным от разных лиц, положение в Крыму рисуется в следующем виде. Настроение в Крыму и его городах паническое. Население не верит в боеспособность Доброармии. Среди офицеров недовольство, они возмущены поведением Наштармкраз [Начальника штаба Крымско-Азовской армии генерала Д. Н. Пархомова. — А. П.], обвиняя его в умышленном бездействии. В частях на фронте дезертирство. Мобилизация не проходит. Никаких мер по обороне Перекопских перешейков не принимается, до сего времени не доставлены туда 6 дм. пушки. Все в этом обвиняют Штармкраз [штаб Крымско-Азовской армии. — А. П.] и начальника штаба в бездействии. ...Все это происходит видимо от отсутствия власти, реальной силы, а также от двойственности власти Добровольческой армии и Краевого правительства...» (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 144. Л. 35). По словам Деникина, «ген. Боровский... выдающийся полевой генерал, не сумел справиться с трудным военно-политическим положением. Жизнь его и штаба не могла поддержать авторитет командования, вызвала ропот...» (см.: *Деникин А. И. Очерки русской смуты*. М., 2003. Т. V. С. 424). Действительно, качеств вождя в Крыму Боровский проявить не сумел. «Крымского Гришина-Алмазова» из него не получилось. То, на что намекал Деникин, и что вызывало «ропот» и не могло «поддержать авторитет командования», именовалось излишним пристра-

стием генерала к алкоголю, которое, впрочем, если верить некоторым свидетельствам, не мешало Боровскому выполнять огромный объем повседневной работы. Вместе с тем проблема, на которую обоснованно указывал не только Деникин, но и другие мемуаристы, был громоздкий, не соответствующий численности боевого элемента, штаб Крымско-Азовской армии, который, по, вероятно, преувеличенной оценке С. Н. Шидловского, вместе с конвоем Боровского, достигал 3000 человек (см.: *Шидловский С. Н.* Записки белого офицера. СПб., 2007. С. 14).

⁵² «Одно время Деникин думал о переселении Ставки в Севастополь. Были уже посланы квартирьеры, что-бы наметить помещения, но со стороны французов последовал резкий протест, — они считали, что Крым должен отойти в их сферу действий. С тех пор для Добровольческой армии Крым стал еще более безразличен», — несколько упрощая реалии, писал мемуарист, князь Г. Н. Трубецкой (см.: *Трубецкой Г. Н.* Годы смут и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 167). Сам Деникин комментировал события иначе: «Перенос Ставки в Севастополь был решен под влиянием слагавшейся в декабре [1918 года. — А. Л.] военно-политической обстановки и с целью избавить Ставку и кубанское правительство от нервующей друг друга близости. Крымское правительство в этом случае добровольно слагало с себя верховную власть... По этому поводу совершенно неожиданно я получил через французскую миссию уведомление ген. Франше д'Эспере: «...Нахожу, что ген. Деникин должен быть при Добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят войска, которыми он не командует». Я ответил, что в отношении армий Юга пользуюсь всей полнотой власти и избираю место стоянки, руководствуясь мотивами политическими, стратегическими и расположением подчиненных мне войск... Впоследствии, исключительно под влиянием изменившегося положения фронта, от мысли этой пришлось отказаться», — писал генерал Деникин (см.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 426–427).

⁵³ Приказ о мобилизации предусматривал призыв в Крымско-Азовскую Добровольческую армию призывных возрастов от 1914 до 1919 года включительно (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 21. Л. 35).

⁵⁴ «Я настойчиво с первых же дней требовал проведения мобилизации в Крыму и одновременно введения военного положения со всеми вытекающими из сего последствиями для того, чтобы иметь реальную возможность проведения набора... Призыв не прошел. Обескураженное такой неудачей, крымское правительство отказалось от борьбы и спешно отменило объявленный уже призыв двух следующих возрастов. Авторитету правительства, командования и самой идее борьбы с большевизмом этой демонстрацией нашего бессилия нанесен был непоправимый и окончательный удар», — писал Деникин (см.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 426–427). Близо знакомый с обстановкой в Крыму генерал П. С. Махров высказался более определенно: «Крымское правительство отменило мобилизацию, дискредитируя этим и свой авторитет и престиж генерала Деникина... В общем, во внутреннем правлении Крымом повторялась керенщина, только в маленьком масштабе...» (см.: *Махров П. С.* В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 22–23). В свою очередь, архивные документы уточняют эти свидетельства. Так, согласно рапорту командующего Крымско-Азовской Добровольческой армией генерала А. А. Боровского на имя генерала Деникина: «призыв дал лишь отрицательные результаты... Причинами этого служат: первое — отсутствие у населения веры в Добр. армию, в ее силу, в ее успех, что является следствием как малого знакомства с ее работой, так и пассивности ее в отношении многочисленных шаек и банд, грабящих и навядящих террор на местное население; второе — отсутствие авторитета у Правительства среди населения, особенно среди татар, почему оно не охотно исполняет его приказы, а татары просто не желают его признавать и не выполняют приказы; третье — успех большевиков на Украине и на Донском фронте, события у Алешек и Каховки, слухи о сосредоточении красных войск в районе Александровска в связи с малочисленностью и неготовностью наших частей, создают боязнь прихода большевиков и близкой расправы со всеми, способствующими Добровольческой армии; четвертое — отсутствие сознания ответственности за неявку, так как органы, обязанные следить и привлекать уклоняющихся, далеко не налажены; пятое — агитация, ведущаяся как большевиками, так и левой печатью

и Курултаем; шестое — дезорганизованность аппаратов по призыву...» (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 20. Рапорт Боровского Деникину. 2 февраля 1919. Л. 50). Согласно Боровскому, аннулирование приказа о мобилизации возрастов 1897 и 1898 годов рождения было произведено генералом Деникиным (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 143. Л. 139.). Еще прежде, 11 января 1919 г. в телеграмме на имя Начальника штаба Деникина, генерала И. П. Романовского, Боровский и Пархомов предупреждали о том, что «ожидать благоприятного хода мобилизации Крыму нельзя точка Единственной действительной мерой для побуждения населения выполнить возлагаемую на него воинскую повинность — является введение военного положения точка Таковое однако может быть объявлено лишь при наличии достаточной силы, но таковой еще нет...», уведомляя о том, что успех проведения мобилизации в настоящих условиях может быть возможен лишь в случае присылки Ставкой в Крым подкрепления «бригады пехоты и бригады конницы для того, чтобы поставить пехоту по более важным узлам края, а из конницы снаряжать карательные экспедиции против разбойничьих банд и для проведения мобилизации точка Имеющаяся конница выполнить этого не может так как ее мало и кроме того она находится в периоде формирования...» (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 282. Л. 62).

⁵⁵ Ср. с репликой М. М. Винавера: «Непопулярность ДА питалась, впрочем, не только слухами об ее реакционных и монархических тенденциях, но и другими, более мелкими обвинениями, действовавшими, однако, ввиду конкретного их характера, более сильно на умы, чем программные разногласия» (см.: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 170.).

⁵⁶ «Мне до сих пор непонятно, чем этот политически умеренный и, кажется, скромный и порядочный человек возбудил ненависть своих убийц», — вспоминал кадет В. А. Оболенский (*Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 628.).

⁵⁷ О самосудах и необоснованных расстрелах представителями добровольческой контрразведки людей, заподозренных в большевизме, сообщается и в статье севастопольского историка В. В. Крестьяникова (См.: *Крестьяников В. В.* Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну // *Русский сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв.* М., 2004. Т. I. С. 210). Все время деятельности кабинета С. Крыма активно и успешно действовали подпольные комитеты большевистской партии, координировавшие деятельность партизанских отрядов (см.: *Руман-Поляков Б. В.* Севастопольском подполье // *В борьбе за Советский Крым.* Симферополь, 1958. С. 5–22). Ряд партизанских отрядов действовал в крымских каменоломнях, осуществляя вылазки против войск белогвардейцев. Во второй половине февраля 1919 г. большевики ухитрились провести в Аджимушкайских каменоломнях подпольную партийную конференцию. Съезд, естественно, проходил в обстановке строжайшей секретности. По воспоминаниям делегата съезда, большевика Р. Пирогова, «мандатом для делегатов» служили произнесенные слова: «Пароль? Пуля. Пропуск? Винтовка» (см. *Пирогов Р.* Борьба продолжается // *В борьбе за Советский Крым...* С. 81–82). К тому же большевики сумели наладить успешную агитацию среди судовых команд дредноутов «Жан Барт» и «Мирабо», стоявших на рейде Севастополя (см.: *Щербаков С.* Да здравствует Коммуна! // *В борьбе за Советский Крым...* С. 28–31). Белое командование даже прорабатывало вопрос о «выкуривании» большевиков из каменоломен с помощью серы, углекислого газа и других ядовитых веществ (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 21. Л. 111–112).

⁵⁸ «Все эти так называемые “эксцессы”, конечно, не одобрялись и не поощрялись свыше, но находили в Екатеринодаре своих истолкователей, которые объясняли их как вынужденную самозащиту офицеров против свободно разгуливающих, благодаря слабости правительства, большевиков и являлись лишним аргументом в пользу введения военного положения. При “дворе” Деникина говорили: “Если в Крыму будет введено военное положение, то офицерские самосуды прекратятся, ибо офицеры увидят, что власть охраняет тыл от большевиков”... Министр юстиции Набоков наряжал следствие, материалы их передавались военным властям, но убийцы оставались на свободе и продолжали убивать и насильничать...» (см.: *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 628).

⁵⁹ Боровский Александр Александрович (1877–1939), генерал-лейтенант, участник Белого движения. Первопоходник. С 10 января 1919 г. — Командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией. Отличался большой личной храбростью и склонностью к алкоголю (см.: ГАРФ. Ф. Р–5881. Оп. 2. Д. 611. Саханев В. В. Некоторые моменты

вооруженной борьбы с большевиками на Юге России. Л. 3; *Махров П. С.* В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 50). Умер в эмиграции.

⁶⁰ Пархонов Дмитрий Николаевич, Генерального штаба генерал-лейтенант (1871–1925). Участник Белого движения. В Крымско-Азовской Добровольческой армии — начальник штаба. Эмигрант, похоронен в Белграде, на Новом кладбище. По словам В. Д. Набокова, (в пересказе П. Н. Милюкова), Пархонов — молодой генерал, «хорошо ориентирующийся политически» (см.: *Дневник П. Н. Милюкова...* С. 428). По словам мемуариста, генерала П. С. Махрова, «Деникин в выборе своем ошибся. Пархонов был человек больной, страшный пессимист, а в Крыму в помощь энергичному Боровскому нужен был советник более сильный и предприимчивый, способный понимать революционную действительность» (см.: *Махров П. С.* Указ. соч. С. 20).

⁶¹ Правительство, в свою очередь, получало соответствующие жалобы на поведение чинов Добровольческой армии от местных властей (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 144. Л. 41–42).

⁶² Корвин-Круковский Алексей Владимирович (1872–1943), участник Белого движения, генерал-майор. Первопоходник. В Крымско-Азовской армии — начальник Крымской дивизии. В интервью местной газете Корвин-Круковский заявлял о том, что главная функция Добровольческой армии на полуострове сводится к поддержанию здесь законности и порядка при помощи союзников (см.: Беседа с ген. Корвин-Круковским // Южные ведомости. Симферополь. 1918. 30 ноября). Эмигрант, похоронен в Белграде, на Новом кладбище.

⁶³ Архивные документы свидетельствуют о преобладании в Крымско-Азовской Добровольческой армии офицеров и катастрофической нехватке нижних чинов (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 2. Л. 148. Рапорт генерала Корвин-Круковского). Самой боеспособной частью был Симферопольский офицерский полк, в котором, по состоянию на 15 января 1919 г., числилось 476 офицеров, из них на командных должностях было всего 118 человек, а на положении рядовых — 358 офицеров) (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 2. Л. 205). В свою очередь, в докладе Деникину А. А. Боровский писал о том, что «войска голы, босы и без снарядов», сетуя, помимо прочего, и на нехватку фуража и продовольствия (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 21. Л. 135. Доклад Боровского Деникину, 16 мая 1919 г.). По утверждению генерала В. В. Чернавина, генерал-квартирмейстера Крымско-Азовской армии, офицеры Крымско-Азовской Добровольческой армии обвиняли Крымское Краевое правительство «в недостаточной решительности и даже в попустительстве в отношении большевистских элементов, находящихся в Крыму. Из членов Правительства особенно непопулярен был министр иностранных дел Винавер. Не были довольны офицеры и политикой добровольческого командования в Крыму, обвиняя его в солидарности с Крымским правительством. Ответственным за политику они считали начальника штаба армии генерал-лейтенанта Пархонова, которого и собирались арестовать вместе с Крымским правительством. Во главе недовольных стоял командир батальона Симферопольского офицерского полка капитан Орлов, который уже наметил день выступления, однако его батальон не пошел за ним и выступление не состоялось...» (см.: ГАРФ. Ф. Р–5960. Оп. 1. Д. 70 б. Чернавин В. В. Заметки о Крымско-Азовской армии. 1924 г. Л. 5; также см.: *Альмедингер В.* Симферопольский офицерский полк в Крыму // Вооруженные Силы на Юге России / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С. В. Волкова. М., 2003. С. 516–532).

⁶⁴ Ср. с мнением В. А. Оболенского: «Положение крымского правительства, каждый шаг которого вызывал на него нарекания то справа, то слева, вынужденного считаться и с бесчинствующими военными, и с социалистической оппозицией, было поистине трагично. Однако для мирных обывателей Крыма период его управления, так же как и период управления правительства Сулькевича, был сравнительно счастливым временем» (см.: *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 634). По утверждению этого мемуариста, «В военных кругах вину за падение Крыма, конечно, возложили на местную власть, якобы “мирволившую большевикам”. Крымских министров, в особенности еврея Винавера и караима Соломона Крыма, стали шельмовать на всех перекрестках. Однако после того, как Крым пережил еще две — деникинскую и врангелевскую — катастрофы, уже не может быть сомнения, что и в первой

катастрофе, крымское правительство было ни при чем. Не имея своих войск, оно не могло ее предотвратить, не могло и управлять так, как считало нужным. Но все-таки дало временный отдых измученному смутами населению» (см.: *Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 635).

⁶⁵ Делегация крымского правительства (Н. Н. Богданов, С. С. Крым, П. С. Бобровский, секретарь премьер-министра Г. Н. Часовников) 25 января 1919 г. была принята Деникиным. При беседе со стороны белого командования также присутствовали генералы А. С. Лукомский, А. М. Драгомиров, министр финансов М. В. Бернацкий, кубанский атаман А. П. Филимонов, глава Кубанского краевого правительства Ф. С. Сушков, члены Особого совещания Н. И. Астров и В. А. Степанов. В ходе беседы С. С. Крым, Н. Н. Богданов и П. С. Бобровский всячески подчеркивали лояльность краевого правительства к белой власти, в то же время обращая внимание на нежелательность планировавшегося в то время перенесения Ставки Деникина в Севастополь, ибо в этом случае «политическая роль Крымского правительства исчезнет и остается только административная». Успокаивая крымских деятелей, генерал А. М. Драгомиров заверил их в том, что «Добровольческая армия бережно относится к крымскому правительству и вообще к гражданскому управлению». В свою очередь, генерал Лукомский просил членов правительства повлиять на тон местных газет, в частности, на левую по характеру своих публикаций газету «Прибой», враждебно относившуюся к Добровольческой армии. Судя по всему, договаривающиеся стороны говорили на разных языках. Подводя итоги совещания, Деникин резюмировал их следующим образом: 1) Командному составу Крымско-Азовской армии было предписано «самое дружественное отношение к Крымскому правительству»; 2) Объяснения правительства в отношении «тона» крымской печати были сочтены Главнокомандованием «удовлетворительными»; 6) Также Крымскому правительству было рекомендовано воздержаться от эмиссии своих денежных знаков (см.: ГАРФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 10. С. Крым. Отчет о поездке в штаб Добровольческой армии. [1919 г.]. Л. 2-3).

⁶⁶ Лукомский Александр Сергеевич (1868-1939), Генерального штаба, генерал-лейтенант, участник Белого движения. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1919 г. Быховец. В Добровольческой армии и Вооруженных Силах на Юге России занимал целый ряд ключевых постов — начальник штаба Добровольческой армии, начальник Военного управления и помощник Главнокомандующего, председатель Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России. Мемуарист. В своих воспоминаниях Лукомский указал, что «с крымским правительством установились вполне согласованные действия» (см.: *Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 521). Как вспоминал член кабинета С. С. Крыма П. С. Бобровский, «мы не поверили миролюбию Лукомского. Слишком установлена была его репутация, слишком скоро и охотно он соглашался с нами. Явно сквозило в этой его тактике с нами лицемерие. Он и по внешнему виду казался человеком хитрым. И, конечно, мы были правы. Непосредственно после переговоров с нами Лукомский вернулся в Екатеринодар. Казалось, его доклад Деникину должен был успокоить Деникина и прекратить или ослабить нападки на нас. Ничуть не бывало. После приезда Лукомского в Екатеринодар нападки на нас посыпались в еще большем количестве, чем раньше, и в них на первом плане стояло старое обвинение нас в том, что мы попустительствуем большевикам в их пропаганде...» (см.: ГАРФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 7. Л. 81).

⁶⁷ Ср. с мнением П. Н. Милюкова: «крымское правительство вызвало со стороны военного элемента Добровольческой армии крайнюю подозрительность в его левизне. В то же время незначительный добровольческий отряд в 300 человек, в большинстве офицеры «тылового» типа, раздражал население и не обеспечивал краю военной силы» (см.: *Милюков П. Н.* Россия на переломе. Т. 2. Антибольшевистский этап русской революции. Париж, 1927. С. 83).

⁶⁸ Ср. с мнением генерала П. С. Махрова: «Мягкотелое отношение правительства к преступникам, всем известным убийцам-матросам, спокойно преуспевавшим в Симферополе, Севастополе, в Керчи и других городах, вызывало негодование среди офицерства, что часто выражалось в самовольных арестах и даже самосуде...» (см.: *Махров П. С.* В Белой армии генерала Деникина... С. 22). Ср. с рапортом коменданта Севастопольской крепости Ф. П. Рерберга Боровскому: «Ни для кого не секрет, что в Севастополе остался очень вредный элемент — бывшие

матросы, так называемые “военные моряки”, если не сплошь большевики, то во всяком случае — сплошь ненавистники офицеров и Добровольческой армии...» (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 20. 7/20 февраля 1919 г. Л. 80)

⁶⁹ Отвечая на обвинения бывшего белого Главкома, содержащиеся в «Очерках русской смуты» генерала Деникина, Н. Н. Богданов, занимавший в Крымском правительстве должность министра внутренних дел, писал: «Совершенно неверно утверждение, что большевики и большевизм не преследовались в Крыму. Помимо преследований большевиков в порядке судебном, правительством были приняты и применялись законы, дававшие возможность при борьбе с большевиками применять и административные меры. Утверждения правительства, что необходимо проводить “грань между борьбой с активным большевизмом и неосуществимой попыткой искоренить путем мер устрашения большевистского настроения масс” и что “поддаваться чувству мести правительство считает невозможным” глубоко верны. Для борьбы с большевиками нужно было не самовольно расстреливать случайных лиц, сочувствующих большевизму, и лиц, казавшихся таковыми, а нужна была работа опытных следователей. Необходимо было выяснить связь местных большевиков с большевистскими центрами вне Крыма. Нужно было устанавливать состав преступных организаций и их связь между собой. Все это делалось опытными следователями по указаниям такого хорошего юриста, как В. Д. Набоков... В борьбе с большевиками больше всего мешали самочинные действия контрразведочных [так в тексте. — А. Л.] органов Добрармии и главное — действия отдельных чинов, никем не уполномоченных, но беззаконные действия которых всегда покрывались их непосредственным начальством. Занимался этим наихудший элемент армии, околачивающийся в тылу, а на фронт не шедший и состоявший в разных полуполевых командировках. Случаев таких самовольных расправ с случайными людьми очень много... Все они питались атмосферой безнаказанности, которой потакали высшие чины Добрармии» (см.: Богданов Н. Открытое письмо А. И. Деникину // Последние новости. Париж. 1928. 22 декабря.). По словам коменданта Севастопольской крепости генерала Ф. П. Рерберга, «Командование Добровольческой армии [Крымско-Азовской Добровольческой армии. — А. Л.] боролось со своими врагами в тылу... неумело и неудачно» (см.: Hoover institution archives. NIA. Rerberg F. P. Записки и воспоминания начальника штаба Севастопольской крепости. Р. VI. Р. 93. Предоставлено С. Машкевичем, Нью-Йорк).

⁷⁰ «Когда известие о скором созыве сейма дошло до Екатеринодар, оно вызвало там большое негодование и было воспринято как “сепаратизм”, являвшийся чем-то вроде бреда преследования правительства генерала Деникина. Кубанская Рада, донской Круг, а теперь еще крымский сейм. Не ясно ли, что и крымское правительство стремится отделить Крым от России! Никакие уверения С. С. Крыма и других министров в их полной лояльности по отношению к “единой России” не помогали. А тут еще министр внешних сношений Винавер самостоятельно обратился к командующему союзническим флотом с просьбой о высадке в Крыму десанта для защиты от полуострова от вторжения уже приближавшихся к Перекопе большевистских войск... В своей упорной повседневной борьбе с командованием Добровольческой армии за сохранение в Крыму сколько-нибудь сносного правового строя, в борьбе, происходившей прикрито, так как обстоятельства требовали хотя бы внешнего выявления единства противобольшевистского фронта, крымское правительство не находило необходимой поддержки ни в совершенно пассивных массах населения, ни в органах крымской общественности...» (см.: Оболенский В. А. Указ. соч. С. 632–633).

⁷¹ Coup d`etat — государственный переворот (фр.).

⁷² Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946), участник Белого движения, генерал-лейтенант, командующий войсками Новороссийской области. В эмиграции активно сотрудничал в эмигрантской прессе; автор воспоминаний, отложившихся в фондах ГАРФ.

⁷³ См. выше, ссылку 54.

⁷⁴ В воспоминаниях министра труда в правительстве Соломона Крыма П. С. Бобровского по этому поводу говорилось о том, что уже к концу января 1919 г. «наши разногласия с Деникиным превратились в какой-то

запутанный клубок». Крымских деятелей до крайности раздражали «эксцессы армии», иначе говоря, самосуды, которые осуществляли добровольцы в отношении лиц, правомерно или неправомерно осуждаемых в пособничестве большевикам, а также подозрительность Деникина, усматривавшего в отношениях правительства с союзниками «сепаратизм». Вместе с тем Бобровский всячески подчеркивал лояльность своего правительства к Деникину, отмечая, что «Несмотря на все эксцессы Добровольческой армии, на целый ряд волнений, вызывавшихся политикой командования, я продолжал считать, что Добровольческая армия борется за демократическую Россию. Пусть та демократия, которая воцарится в России в результате победы армии, будет очень куцая. Все же это будет демократия, а не насильническая и все мертвящая диктатура большевиков. Победа над большевиками — вот основная задача момента. Во имя ее не страшны никакие жертвы» (см.: *Бобровский П. С.* Второе Крымское правительство // *Пученков А. С.* Украина и Крым... С. 300–301, 311, 323). В своих дневниковых записях от 22 декабря 1920 г., вскоре после исхода Русской армии Врангеля и беженцев из Крыма, Бобровский вновь возвращался к вопросу об отношении местных деятелей к белой армии: «Поведение наше было основано на полной неприемлемости для нас советской власти. В происходившей гражданской войне мы сознательно были на стороне “белых”. А раз это так, мы, как политические и общественные деятели, должны были до конца бороться против советской власти, и до конца поддерживать ту армию, которая ведет эту борьбу. Не только должны были, но и не могли иначе. Все мы хорошо знали вопиющие недостатки этой армии и ее правительства [...] Но наш протест, как бы силен он не был, всегда оставался дружеским протестом. В нем никогда не было эсдековского и эсеровского злорадства...» (см.: *Бобровский П. С.* Крымская эвакуация // *Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 13.* Константинополь — Галлиполи. М., 2003. С. 348–349). Комментируя же деникинскую трактовку отношения к крымскому правительству Бобровский писал о том, что «Деникин так и не понял истинной [автор имеет в виду — демократической. — А. П.] физиономии нашего правительства. А это значит, что в борьбе с большевиками он не понял главного — ее не военного, а общественно-политического значения» (см.: *Бобровский П. С.* Воспоминания министра труда... С. 330). В свою очередь, и Н. Н. Богданов, министр внутренних дел в правительстве Соломона Крыма, в «Открытом письме А. И. Деникину», опубликованном в популярнейшей в среде русской эмиграции газете «Последние новости», выходившей в Париже под редакцией П. Н. Милюкова, упрекал Деникина в «несправедливости» отношения последнего к крымскому кабинету и в том, что Антон Иванович «ничего не сделал для защиты Крыма» от большевиков (См.: *Богданов Н.* Открытое письмо А. И. Деникину...). К слову, и в воспоминаниях своих Н. Н. Богданов также не преминул заявить о том, что в крушении крымского правительства он «не без основания обвинял Деникина» (См.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 254. Богданов Н. Н. «От Екатеринодара до Владивостока во время Гражданской войны». Л. 5). Как видим, на примере Крыма видно, что в очередной раз антисоветские силы не были в состоянии выработать общую стратегию, способную объединить все усилия для совместной борьбы против большевиков. «Игры в демократию» в условиях гражданской войны выглядели, в глазах белого командования, явно несвоевременными. Любопытно, что и апостол русского либерализма, П. Н. Милюков, был убежден, что «Для создания в Крыму образцового демократического управления обстановка была слишком неблагоприятна: снизу грозили сохранению порядка крайне левые настроения, сверху — бессудные расправы добровольческих офицерских разведок — писал П. Н. Милюков. — Расчет на помощь союзников свелся к взаимному обмену любезностей; население воевать не хотело; изолированные от него части Добровольческой армии в Крыму были слишком малочисленны и плохо дисциплинированы...» (см.: *Милюков П. Н. М. М.* Винавер, как политик // *М. М. Винавер и русская общественность начала XX века.* Париж, 1937. С. 34).

⁷⁵ «Чрезвычайные меры для борьбы с большевизмом были правительством приняты, и я утверждаю, что все требования о введении военного положения и вытекающего из него применения Положения о полевом управлении войск, вызывались исключительно желанием командования взять в руки гражданское управление. Вот против этого правительство и возражало, ибо видело, в какие руки это управление попадет... Мы на месте знали больше о порядках в тылу Добрармии, знали и порядки, введенные ген. Корвин-Круковским и ген. Шиллингом в северных

уездах Таврии и боялись, что в Крыму будут введены приемы управления, которые установились потом во многих местностях, занятых вооруженными силами Юга России...» (См.: *Богданов Н.* Открытое письмо А. И. Деникину...).

⁷⁶ В «Открытом письме А. И. Деникину» Н. Н. Богданов писал: «Вы [А. И. Деникин в “Очерках русской смуты”. — А. Л.] делаете намек на то, что мобилизации не удавались благодаря слабости правительства. Это неверно. Мобилизации не удавались повсеместно, потому что население не желало вести гражданскую войну. Не удалась мобилизации и в северных уездах Крыма хотя там в деревнях была проведена отвергнутая нами мера: насильственное взятие в солдаты пожилых вместо бежавших от мобилизации призывных» (см.: *Богданов Н.* Открытое письмо А. И. Деникину...).

Пученков А. С. Набоков В. Д. «Крым в 1918/19 гг.» // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 221–257.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); ap80@mail.ru

Nabokov V. D. Crimea in 1918–1919

A publication by A. S. Puchenkov

AUTHOR: Candidate in History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); ap80@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Shelokhaev V. V. *Kadety — glavnaia partiia liberalnoi burzhuzii v borbe s revoliutsiei 1905–1907 gg.* (Moscow, 1983).
- ² Zarubin A. G., Zarubin V. G. *Bez pobeditelei. Iz istorii Grazhdanskoi voiny v Krymu* (Simferopol, 2008).
- ³ Tzvetkov V. Zh. *Beloe delo v Rossii. 1919 g. (formirovanie i evoliutsiia politicheskikh struktur Belogo dvizheniia v Rossii)* (Moscow, 2009).
- ⁴ Puchenkov A. S. *Ukraina i Krym v 1918–nachale 1919 goda. Ocherki politicheskoi istorii* (St. Petersburg, 2013).
- ⁵ Vinaver M. M. *Nashe pravitelstvo. (Krymskie vospominaniia 1918–1919 gg.)* (Paris, 1928).
- ⁶ *Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkovo: Dnevnik. Pisma*, Comp. N. I. Kanishchev (Moscow, 2012).
- ⁷ Kovalenko N. A. *Vladimir Dmitrievich Nabokov: Chelovek i politik* (Moscow, 2002).
- ⁸ Nabokov V. 'Vremennoe Pravitelstvo', *Arkhiv russkoi revoliutsii*, Vol. I (Moscow, 1991).
- ⁹ 'Zhurnal Zasedaniia Soveta Ministrov Krymskogo Kraevogo Pravitelstva 16 apr. 1919 g.', *Arkhiv russkoi revoliutsii*, Vol. II (Moscow, 1991).
- ¹⁰ Gessen I. V. *Gody izgnaniia* (Paris, 1979).
- ¹¹ Fediuk V. P. *Belye. Antibolshevistskoe dvizhenie na Iuge Rossii. 1917–1918 gg.* (Moscow, 1996).
- ¹² Pasmanik D. S. *Revoliutsionnye gody v Krymu* (Paris, 1926).
- ¹³ Obolenskii V. A. *Moia zhizn. Moi sovremenniki* (Paris, 1988).
- ¹⁴ *Dnevnik P. N. Miliukova. 1918–1921* (Moscow, 2004).
- ¹⁵ Shelokhaev V. V., Solovev K. A. 'Rossiiskie liberaly o Pervoi mirovoi voine' in *Noveishaia istoriia Rossii*, 2014, no. 3.
- ¹⁶ Kenez P. *Civil war in South Russia, 1918* (Berkeley, 1971).

- ¹⁷ Denikin A. I. *Ocherki russkoi smuty*, Vol. III, V (Moscow, 2003).
- ¹⁸ Skoropadskii P. *Spogadi* (Kiev - Philadelphia, 1995).
- ¹⁹ Doroshenko D. *Moi spomini pro nedavnee minule (1914–1920 roki)* (Kiev, 2007).
- ²⁰ Zenkovskii V. V. *Piat mesiatcev u vlasti (Vospominaniia)*, Ed. M. A. Kolerov (Moscow, 2011).
- ²¹ Ivanetz A. V. *Krimska problema v diialnosti UNR perishchdu Direktorii (kinetc 1918–1920 rr.)* (Simferopol, 2013).
- ²² Savich N. V. *Posle iskhoda: Parizhskii dnevnik. 1921–1923* (Moscow, 2008).
- ²³ Puchenkov A. S. *Natsionalnaia politika generala Denikina* (St. Petersburg, 2012).
- ²⁴ Budnitskii O. V. *Rossiiskie evrei mezhdru krasnymi i belymi (1917–1920)* (Moscow, 2005).
- ²⁵ Rosenberg W. G. 'Konstitutcionno-demokraticheskaia partiia (kadety)', *Kriticheskii slovar Russkoi revoliutcii: 1914–1921* (St. Petersburg, 2014).
- ²⁶ Uspenskii L. V. *Zapiski starogo peterburzhtca: Glavy iz knigi* (Leningrad, 1990).
- ²⁷ Lopukhin V. B. *Zapiski byvshego direktora departamenta Ministerstva inostrannykh del*, Ed. S. V. Kulikov, D. N. Shilov (St. Petersburg, 2008).
- ²⁸ Savich N. V. *Vospominaniia* (St. Petersburg–Dusseldorf, 1993).
- ²⁹ Trubetzkoy G. N. *Gody smut i nadezhd. 1917–1919* (Montreal, 1981).
- ³⁰ Mikhailovskii G. N. *Zapiski. Iz istorii rossiiskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva, 1914–1920 gg.*, Book 2, October 1917–November 1920 (Moscow, 1993).
- ³¹ Miliukov P. N. 'M. M. Vinaver i «novaia taktika»', P. N. Miliukov: *«russkii evropeets». Publicistika 20kh–30-kh gg. XX v.*, Ed. M. G. Vandalkovskai, V. V. Tikhonov (Moscow, 2012).
- ³² Shidlovskii S. N. *Zapiski belogo ofitcera* (St. Petersburg, 2007).
- ³³ Makhrov P. S. *V Beloi armii generala Denikina: Zapiski nachalnika shtaba Glavnokomanduiushchego Vooruzhennymi Silami Iuga Rossii* (St. Petersburg, 1994).
- ³⁴ Krestianikov V. V. 'Belaia kontrrazvedka v Krymu v grazhdanskuiu voinu', *Russkii sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii XIX–XX vv.*, Vol. I (Moscow, 2004).
- ³⁵ Ruman-Poliakov B. V. 'Sevastopolskom podpole', *V borbe za Sovetskii Krym* (Simferopol, 1958).
- ³⁶ Pirogov R. 'Borba prodolzhaetsia', *V borbe za Sovetskii Krym* (Simferopol, 1958).
- ³⁷ Shcherbakov S. 'Da zdravstvuet Kommuna!', *V borbe za Sovetskii Krym* (Simferopol, 1958).
- ³⁸ Almedinger V. 'Simferopolskii ofitcerskii polk v Krymu', *Vooruzhennye Sily na Iuge Rossii*, Ed., comp., intr. and comm. S. V. Volkov (Moscow, 2003).
- ³⁹ Lukomskiy A. S. *Ocherki iz moei zhizni. Vospominaniia* (Moscow, 2012).
- ⁴⁰ Miliukov P. N. *Rossia na perelome*, Vol. 2, *Antibolshevistskii etap russkoi revoliutcii* (Paris, 1927).
- ⁴¹ Bogdanov N. 'Otkrytoe pismo A. I. Denikinu' in *Poslednie novosti*, 1928, 22 December.
- ⁴² Bobrovskii P. S. 'Krymskaia evakuatciia', *Beloe delo*, Book 13, Constantinople–Gallipoli (Moscow, 2003).
- ⁴³ Miliukov P. N. 'M. M. Vinaver, kak politik', M. M. Vinaver i *russkaia obshchestvennost nachala XX veka* (Paris, 1937).